

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

1998 № 2

К 70-летию
Дома Плеханова

ИСТОРИЧЕСКИЙ АРХИВ

№ 2
1998 год

НАУЧНО-ПУБЛИКАТОРСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит 6 номеров в год

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

**К 70 - летию
Дома Плеханова**

Обращение
К. Бато-Плеханова

Дом Плеханова:
1928-1998

Переписка
Н. С. Русанова

Воспоминания
В. О. Левицкого

Материалы
и документы ЦХИДК
о Г. В. Плеханове

Письма
А. И. Балабановой

Ф. И. Дан -
В. И. Засулич

Дневниковые записи
Р. М. Плехановой

Из семейной хроники
Плехановых

Учредители:
Федеральная архивная
служба РФ, Трудовой
коллектив журнала
«Исторический архив»

«История-Сервис» ©

Россия 129256,
Москва,
ул. Вильгельма Пика,
д.4, корп. 2
Тел./факс: 181-17-52

Дом Плеханова
2001-2360/1

«СЕРДЦЕ ТЯНЕТ ТУДА, ГДЕ РУССКИЙ ДУХ, ГДЕ РУСЬЮ ПАХНЕТ»

Письма Ф. И. Дана к В. И. Засулич. 1907-1916 гг.

Публикуемые письма Ф. И. Дана (наст. фамилия - Гурвич) (1871-1947) охватывают период с июля 1907 г. по декабрь 1916 г. Они являются своеобразным дополнением к осуществленному Международным институтом социальной истории изданию писем Дана¹, хранящихся в ряде архивов, принадлежащих Институту.

Политическая биографии Федора Ильича (по необходимости, краткая)² позволит не только познакомиться с одним из видных лидеров российской социал-демократии и ее меньшевистского крыла, но и ввести данные письма в ее контекст.

Дан примкнул к социал-демократическому движению в 1895 г., а спустя год, как член центральной группы «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», был арестован и осужден. Весной 1901 г., после окончания срока ссылки, выехал за границу, где возглавил берлинскую группу содействия «Искре». Благодаря ярким организационным способностям, стал быстро продвигаться по партийной иерархической лестнице и вскоре вошел в заграничный отдел «Искры» и «Зари», а затем - в администрацию заграничной Лиги русских социал-демократов. Во время одного из редакционных конфликтов в «Искре», возникшего при обсуждении проекта программы РСДРП, был введен в состав согласительной комиссии (Дан, Мартов, Засулич), но вскоре, в качестве делегата «Искры», уехал в Россию. В апреле 1902 г. - повторный арест и ссылка в Сибирь. После побега, предпринятого в сентябре 1903 г., Дан вновь оказался в эмиграции, в самый разгар фракционных споров и окончательного раскола партии на два блока - большевиков и меньшевиков. С этого времени Дан прочно занимает место среди лидеров меньшевизма, к которым, с определенной долей оговорок, можно отнести и В. И. Засулич³.

В конце октября 1905 г. Дан возвращается в Россию с заданием организовать меньшевистский фракционный центр. В это же время, после 25-летней эмиграции, вернулась на родину и В. И. Засулич.

Начало переписки Дана и Засулич относится к лету 1907 г., когда Дан, опасаясь ареста, поселился в Финляндии. Вынужденный в январе 1908 г. эмигрировать, он обосновывается сначала в Женеве, затем в Париже.

В 1908-1911 гг. меньшевистские лидеры с целью объединения и сплочения заграничной фракции предприняли издание «Голоса социал-демократа». К этому периоду и относится основная часть публикуемых писем, отражающих полемику между Засулич и Даном по вопросу о причинах поражения

¹ См.: Федор Ильич Дан. Письма (1899-1946). Отобрал, снабдил примечаниями и очерком политической биографии Дана Борис Сапир. Amsterdam, 1985.

² Подробнее см.: Двинов Б. Л. Ф. И. Дан // Мартов и его близкие. Нью-Йорк, 1969. С. 119-137; Корников А. Дан Ф. И. // Политические партии России. Конец XIX - первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 175-176.

³ О положении В. И. Засулич в РСДРП и ее взглядах см.: Богданова Т. А. В. И. Засулич и русская социал-демократия // Источниковедческое изучение памятников письменной культуры в собраниях и архивах ГПБ. История России XIX-XX вв. Сб. науч. тр. Л., 1991. С. 7-29; она же. В. И. Засулич о «европейском вероятном пути политического освобождения» России. Мечты и реальность // Русская эмиграция до 1917 года - лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1995. С. 42-69; В. И. Засулич. О марксизме в России // Общественная мысль. Исследования и публикации. Вып. 2. М., 1990. С. 257-260.

Первой революции и предпосылках нового общественного подъема в России, а также взгляды, настроения, нравы эмиграции и ее вождей.

Описывая послереволюционную эмиграцию тех лет, один из корреспондентов Засулич (И. С. Блюменфельд) писал из Парижа: «Россия здесь видимо-невидимо. Десятки устроились, тысячи голодают, только диву даешься, как все они выживают. И по другим городам везде россиян этих ужасно много, и везде нужда безысходная. Теперь эмигранты полит[ические] прибывают уже одиночками, зато целая масса приезжает просто безработных. Сегодня случайно встретил я целую толпу русских - из 13 человек, уже десять дней как в Париже, ободранные, без гроша в кармане, без крова. А в бирже труда что бывает, если бы вы видели! Один ужас. Касса эмигрантская выдает по 3-4 франка в месяц. А как облегчить нужду, просто не знаешь, - бедствие какое-то стихийное - без просвету, не то, что раньше - погодите, мол, революция, свобода скоро! [...] Фед[ор] И[ль]ич притворяется, что ничего, а вот Юл[ий] Осип[ович], как в воду опущенный - скучает, вероятно, и тоскует, а виду не кажет»⁴.

Засулич переписывалась также с женой Ф. Дана - Л. О. Канцель, сестрой Ю. О. Мартова. В одном из писем та писала: «Что Вам сказать о всех наших? Фед[ор] И[ль]ич все тот же, хотя чувствует себя подчас очень плохо. Работается неважно, он тоже стареет, вернее доживает последние дни последней молодости. Уверяю Вас, что в нем больше тревоги, чем это кажется со стороны, и чем он сам думает. Одно плохо в нем - не способен он грешить... Думает он сейчас много, но не слишком, по-моему, плодотворно, т. к. для этого у него [«не» опущено - публ.] хватает смелости. Не лучше обстоит дело и с Ю[лием] Осип[овичем] [...] Вернее, у него объясняется просто отсутствием настоящей жизни и работы, и в этом они, конечно, не виноваты, но это показывает только, как, в сущности, мало ценны и их оптимизм, и «концепции» и пр.»⁵.

Засулич поддерживала отношения и переписку со многими лидерами меньшевистской фракции, среди которых «своими» считала прежде всего Потресова, Мартова, Мартынова и, «в меньшей степени», Дана, хотя именно от последнего получала больше всего писем.

В отличие от своих молодых друзей по партии, Засулич оставалась в России, не желая более эмигрировать, даже несмотря на опасность возможного ареста. На деньги, полученные за двухтомное издание сочинений (1906-1907 г., издательство О. Н. Руненберг), она сняла в пожизненную аренду участок земли в имении Ф. Г. Сидовича, брата известных революционеров из семьи Сидовичей (Петра и Инны Гермогеновны), двоюродного брата писателя В. В. Вересаева, где построила избу и проводила каждое лето. Не выступая в печати, не принимая по ряду причин активного участия в партийной жизни, она, тем не менее, продолжала сохранять высокое положение в партии. Об этом свидетельствуют и письма Дана к ней.

31 марта 1913 г., день 35-летней годовщины со дня ее оправдания судом присяжных⁶, в легальной меньшевистской газете «Луч», выходившей в Петербурге, появилась редакционная статья «31 марта 1878 г.», автором которой был Ф. Дан, снова к тому времени вернувшийся в Россию. «Российская социал-демократия счастлива тем, что может считать в своих первых рядах эту «семидесятницу», принесшую социал-демократии как психологию героической эпохи, так и трезвость ума, беспощадного в анализе», - писал Дан и отмечал именно «эту драгоценную комбинацию черт ее личности, наложившую печать на всю ее деятельность - идеализм натуры, регулируемый реализмом ума».

Война внесла новый раскол в ряды РСДРП. Дан и Мартов оказались среди «интернационалистов», Засулич - в числе «правых оборонцев». Этот момент также нашел отражение в публикуемых документах. Отношение лидеров «официального» меньшевизма к Октябрю 1917 г. окончательно

⁴ РНБ. АДП. Ф.1097. Ед. хр. 661. Л. 9-9об.

⁵ РНБ. АДП. Ф.1097. Ед. хр. 717. Л. 2.

⁶ См. прим. 19.

развело их: «Если кому-ниб[удь] кажется, что я, как бывший меньшевик, хоть на волос солидарна с компанией Дана, Март[ова] и проч[их], то это неправда, - писала она своей сестре. - Я их проклинаю так же, как и более сильных, чем они»⁷.

Публикуемые письма (27) хранятся в фонде Л. Г. Дейча (Ф. 1097. Ед. хр. 666), куда вошла часть архива Засулич⁸. К сожалению, письма Засулич Дану, по-видимому, не сохранились. Возможно, они погибли в период войны 1914-1918 гг. с той частью архива Дана, которая после его возвращения в Россию в конце 1912 г. осталась в Париже. Документы приводятся в соответствии с современными нормами орфографии, без купюр, вынужденные пропуски оговорены в примечаниях.

Публикацию подготовила кандидат исторических наук Т. А. БОГДАНОВА.

№ 1

Териоки

27 июля (9 августа) 1907 г.

Здравствуйте, дорогая Вера Ивановна!

Давно уже собирался написать Вам, да все ждал, когда выйду из того отвратительного настроения, в котором нахожусь с самого возвращения в дорогую родину. Но так и не дождался, а потому решил все же написать Вам, даже с риском навести на Вас тоску своим унылым видом, который будет сквозить из этих строк.

С чего начать? Как заведомый эгоист, начну с себя. Вкратце дела мои таковы. В самый день моего возвращения была арестована Л[идия] О[сиповна]¹, а у нее взят мой паспорт, и я очутился, как рыба на мели. Ждал со дня на день освобождения Л[идии] О[сиповны], но так и не дождался, несмотря на все «обещания», которые рассыпали весьма щедро всякие, на заставах команду имеющие лица, Г. А-чу, который первое время был в восторге от вежливости, предупредительности и прочих великолепных качеств начальства. Теперь и бедный старик познал уже истинную меру вещей. Зато дождался мы другого: на днях уже вручен Л[идии] О[сиповне] обвинительный акт по старому делу «Невской газеты»² и, если этого дела не удастся отсрочить до ее освобождения, то год крепости неминуем. А как она его выдержит, положительно не знаю, ибо здоровье ее так плохо, что за 1½ месяца сидения ее, даже против ее желания, уже 2 раза вынуждены были отправлять в больницу. Как видите, личные мои дела страшно плохи. Заставляю себя работать, написал с грехом пополам 2 брошюры, пишу третью, но все это - без охоты, без увлечения³. За сим хлопочу по той тысяче «дел», которые не оставляют меня и в моем убежище, летом ни капельки не воспользовался: ни дня отдыха, ни дня прогулок, нервы издерганы. Если прибавить - единственная утешительная новость - что, по отзывам добрых людей, я довольно сильно похудел, то, кажется, будет исчерпывающе все, что относится к моей особе.

Возобновляем мы «Отклики» в несколько реформированном виде. Первая книжка выйдет в начале августа, и тогда я Вам ее пришлю. Не явится ли у Вас охота пописать?⁴ Или Вы в своем деревенском уединении (воображаю, как Вы блаженствуете!) совсем расстались с цивилизацией и литературой? А ведь Вы могли бы теперь дать, вероятно, много интересных и живых наблюдений, сделанных «во

⁷ Из переписки В. И. Засулич / Публ. и комм. Т. А. Богдановой // Источниково-ведческое изучение... С. 75.

⁸ В ДП есть также отдельный фонд В. И. Засулич - Ф.1098. См. об этом: Курбатова И. Н. Архив В. И. Засулич в Доме Плеханова // Книги. Архивы. Автографы: Обзоры, сообщения, публикации. М., 1973. С. 136-154.

глубине России». У нас же, в «Откликах», решено ввести такой «легкий» отдел наблюдений, заметок, фактических сообщений и пр., и пр. - словом, всего, что умели делать народники и почему-то вовсе не умеют делать с[оциал]-д[емократ]ы.

Ю[лий] О[сипович] и Мартынов все еще в «теплых краях»⁵. Рассчитывают приехать сюда после Штутт[артского] конгресса и мечтают об основании толстого журнала. Вот какой, с божьей помощью, прогресс: начали с «Начала», а кончаем таким «концом», как почтенный, солидный толстый журнал⁶. И все же я настроен в политическом отношении вовсе не пессимистически. Я смотрю на положение вещей так, что у нас теперь нечто вроде «реставрации Бурбонов», хотя и не было их изгнания, или было «в идее», как многое у нас бывает. Во всяком случае, господином положения стала теперь не бюрократия, а «дикий помещик»⁷. А он уже на земском стуле почуял, чего от него ждать можно. Он не захочет расстаться с 3-й Думой, а захочет сделать из нее такой же форт, какой сделал из «местного самоуправления», когда-то им столь проклинаемого. Но, если французская «реставрация» после всех пережитых буржуазией «ужасов» все-таки была для нее столь невыносима, что через 16 лет даже Лафитг⁸ во имя революции полез под кровать, то у нас хозяйничанье «дикого помещика» воссоздает дооктябрьское положение еще скорее. Если же бюрократия захочет высвободиться из-под власти «дикого помещика», окажется «левее» его, то она неминуемо должна будет ослабить вожжи, а к чему это поведет - тоже достаточно известно. Т.о., я не вижу причин особенно мрачно смотреть на будущее, хотя настоящее таково, что хоть в гроб ложись да помирай. Как бы то ни было, момент, когда соберется 3-я Дума, и самая деятельность этой Думы будут крайне интересны⁹. Во всяком случае, ясно, что новый подъем движения, когда он будет, будет опираться на несравненно более солидное основание, чем октябрьский фейерверк.

А что Вы насчет всего этого думаете? Мне говорили, будто Вы совсем впали в пессимизм и находите, что ни о чем путном и «думать нельзя». Правда это?

Напишите мне, пожалуйста, если не успели совсем забыть меня. Напишите подробно и о себе лично: как здоровье? Нагуляли ли хоть немного жиру в деревне? Какое у Вас стоит лето? - здесь ни одного дня без дождя, холод и сырость такие, что с тоскою мечтаешь о хорошей зимней квартире с камином или доброю печью.

Мой поклон Д[имк]е¹⁰.

Всего хорошего! Жму руку.

Ф. Гурвич

Пишите мне через С. А. или девочек (их адрес: Павловск, Царская ж. д., 2-я Матросская, 22).

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 1-4.

№ 2

Териоки

23 августа 1907 г.

Дорогая В[ера] Ив[ановна],

я очень запоздал [с] ответом на Ваше письмо. Причины тому - чисто личного характера: непобедимо отвратительное настроение. Причины же такого настроения, опять-таки, чисто личные, т[ак] ч[то] останавливаться на этом не стоит. Нового у меня ничегошеньки. По-

прежнему сижу у моря и «жду». Что буду делать через месяц, даже через неделю - не знаю. Все это зависит от «независящих» обстоятельств. Пока же живется очень скверно во всех отношениях и даже в материальном так скверно, как мне никогда еще не жилось. Л[идия] О[сиповна] все еще сидит и все еще «со дня на день» ждет окончания своего дела. Здоровье ее из рук вон плохо, но настроение - принимая во внимание то метание нервов, которое неизбежно при постоянных «обещаниях» освободить «не позже, чем через неделю», - изумительно бодрое. В этом отношении она поддерживает бодрость во всей своей камере. А их там сидит 12 человек в отвратительнейшей обстановке: грязь ужасающая, нет ни прогулок, ни бани. Теперь - уже 3-й раз за время сидения - Л[идия] О[сиповна] перевелась в больницу. Я думаю, что ввиду этого ее литературный процесс, назначенный на сегодня, будет отложен.

Теперь насчет Вашего «а». Признаюсь, что я не совсем понимаю смысла этого «а». Если Вам не удалось точно истолковать смысла моей целой фразы, то, представьте мое положение, когда передо мною в виде изречения Пифии¹¹ - одна единственная буква! Вы пишете, как истолковала мою фразу Д[имка], а о себе только и сообщаете, что сказали, дескать, «а», и потом спрашиваете: кто прав? Д[имка], во всяком случае, права только отчасти, ибо дело для меня не в том только, что пр[олетариат] будет «сознательнее и организованнее», а в том, что, в сущности, только теперь начинается действительно политическое движение различных слоев крестьянства и мещанства, и дворянская диктатура только ускорит процесс созревания этого движения. В этом, по-моему, и лежит ключ для оптимистического взгляда на будущее. По Вашему письму выходит так, как будто Октябрь-Декабрь запнулись о «напуганность» и контрреволюционность буржуазии, а схема, в сущности, чисто большевистского пошиба. Я же думаю, что они запнулись о недостаточность политического и революционного развития мелкобурж[уазных] масс города и деревни; и только порожденное этой недостаточностью вырождение освободительного движения в партизанско-экспроприаторское, только то обстоятельство, что, благодаря этой недостаточности, у революции оказалось много разрушительной и дезорганизующей силы и очень мало так наз[ываемой] «творческой», - только это (или, главн[ым] образ[ом], это) породило у нашей буржуазии «отвращение» к революции. Но т[ак] к[ак] дворянская диктатура неизбежно вызовет (на почве пережитого опыта) политическое движение низов и т[ак] к[ак] она слишком больно будет хлестать буржуазию, то, по моему мнению, у значительной части этой последней «отвращение» должно будет скоро пройти. Вы говорите, что моя «французская» аналогия неудачна, ибо Бурбоны вернулись через 25 лет после 17 Октября и франц[узская] буржуазия сохранила завоевания революции. Это верно. Но также верно и то, что франц[узская] буржуазия действительно видела воочию «красный призрак», пережила революционный террор, максимум и пр. и пр., а наша - самое страшное, что ей пришлось пережить, - это чтение брошюр Ленина и выслушивание декламации Алексинского¹². При таких обстоятельствах тот факт, что у нас буржуазия не добилась даже наполеоновского кодекса¹³, а все еще вынуждена жить под эгидой кодекса Думбадзе и К¹⁴, должен облегчить нашим Лафиттам ползание под кровать во имя революции. Т. о., я продолжаю смотреть на дела оптимистически и думаю, что уже выборы в Думу покажут, что я не совсем неправ.

Что до толстого журнала, то я думаю, что если бы нам только удалось составить простую и строгую редакцию, то теперь журнал мог бы

иметь успех в довольно широких кругах читателей. Потребность в теоретической разработке и подведении итогов всему пережитому теперь очень сильна и среди интеллигенции, и среди передовых рабочих. Но беда в том, что при нашей рассеянности по всему свету такую редакцию создать нам очень трудно. Но к тому же, вероятно, мы и денег не достанем столько, сколько нужно, ибо, оказывается, требуется для такого дела тысяч 25 - 30. А где нам взять, по нынешним временам, такую суммищу? Будет ужасно досадно, если придется довольствоваться, вместо литературы, тощими брошюрками.

Ю[лий] О[сипович] остается еще месяца 2 за границей. Мартынов, который должен был приехать, пока что-то не появляется. Читали ли Вы «Отзвуки» и что о них скажете?

Да, Конк[ордия] Ив[ановна]¹⁵ просит Вас сообщить, по какому адресу можно высылать Вам те деньги, которые она у Вас одолжила.

Куда Вы вообще намерены двигаться на зиму и долго ли остаетесь в деревне? У нас только теперь установилась настоящая летняя погода.

Поклон Д[имке]. Крепко жму руку.

Ваш Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 5-8.

№ 3

Женева

24 января 1908 г.

Дорогая Вера Ивановна,

увы и ах! Волею судеб я снова в проклятой Женеве и страшно завидую Вам и всем прочим счастливым, которых не коснулся перст указующий. Правда, я думаю, что теперь тут есть важное и нужное дело. Но это говорит голова, а сердце тянет туда, где русский дух, где Русью пахнет. Как-то дико, нелепо, почти не верится, что после 2 1/2 лет снова очутился за границей, снова Carouge Clure¹⁶, рефераты, прения, встречи с «Котом»¹⁷ на митингах - брр... И ведь при этом, пока, по крайней мере, отрезанность страшная. Ни от кого ни словечка, ни письма, ни ответа, ни привета. Рассчитываю на Ваше доброе сердце. Бога ради пишите, пишите побольше и почаще, о большом и о малом, особенно о малом, ибо большое так или иначе узнаешь через газеты, а о малом ничего не узнаешь. А ведь только оно, это малое, придает всему вкус, цвет, запах. Сегодня кончаю, ограничиваясь этим «воплем наболевшей души». Крепко жму руку и шлю привет Н[иколаю] Дм[итриевичу]¹⁸ и всем знакомым.

Ваш Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 9.

№ 4

Женева

31 января 1908 г.

Дорогая Вера Ивановна,

через 6 дней Ваш 30-летний «юбилей»¹⁹. Пишу Вам эти строки не затем, чтобы принести парадные поздравления и пр., а потому, что в связи с этим вправду много думается о Вас и думается с очень хорошим, горячим чувством привязанности и уважения к Вам. Как кстати были бы Вы теперь здесь с Вашим, несмотря ни на какой головной пессимизм, вечно бодрым, возбужденным, «интересующимся» настроением! После долгих споров, выяснения недоразумений и пр. и пр., мы

начинаем новое дело, которое *malgré tout*^a - постепенно всем начинает казаться и нужным, и важным, и очень большим²⁰. Но апатия, неврастения, уныние, порожденные долгой разбросанностью, заботами о зароботке, отвычкой от коллективной работы, - все это еще очень и очень дает себя знать в настроении. Тут наоборот, чем у Вас: голова настроена оптимистически, а настроение - не то что пессимистическое, а апатичное. Вы, может быть, очень неодобрительно смотрите на нашу затею, не признаете ее значения и пр., и пр. Но если бы Вы были тут, если бы Вы вместе с нами договорились до тех положений, до которых здесь договорились все, то, уж конечно, настроение Вы внесли бы совсем иное.

Вот почему сейчас особенно хочется крепко пожать Вашу руку и пожелать Вам всего, всего хорошего: здоровья, долголетия, бодрости, работоспособности.

Пишите как живется и что у Вас слышно.

Ваш Ф. Г.

Поклон Н[иколаю] Д[митриевичу].

Л[идия] О[сиповна] шлет Вам сердечный привет. Она не совсем здорова, и ей предстоит даже операция, - удаление червеобразного отростка.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 10-11.

№ 5

Женева

12 февраля 1908 г.

Дорогая В[ера] Ив[ановна],

письмо Ваше вдвойне приятно было мне. Ждали мы, ждали письма хоть от кого-ниб[удь] из П[етербур]га, и прошло чуть не 2 недели - все нет ничего. Можно было подумать, что у вас там какое-то столыпинское землетрясение сделалось²¹. Но оказалось, что просто такая теперь оторванность людей друг от друга и такая ненужность каждого в отдельности и всех вместе, что лишь только мы исчезли с более или менее близкого горизонта, нас все так основательно забыли, что и писать перестали. И вот, после почти 2-недельного перерыва, Ваше письмо было первым из России.

Вы не очень пеняйте на «концепции». Концепции-то концепциями, но и из них вытекает, прежде всего, необходимость «вооружиться знаниями», т. е. основательно заняться. И я настолько не «тверд», что меня в «Т[оварищ]е»²² даже дразнили моей приверженностью к изучению «фактов». Но дело в том, что затеянное дело не только не мешает, но, наоборот, поможет самовооружению знаниями. Времени оно отнимает очень немного, а в то же время, сводя всех вместе и будя мысль, является толчком к занятиям. Вы думаете, Ю[лий] О[сипович], сидя в своей парижской одиночке, «исследованиями» занимается? Ничуть не бывало! Он сидит ежедневно до 2 - 3 часов ночи в кафе, вмешивается в тысячу глупейших «колонийальных» дел²³, а днем строчит ради «хозяйственных» соображений всякую всячину, какая только попадается под руку. Вот и все!

Конечно, нет ни малейшей надежды на то, что «хозяйственные» соображения перестанут играть роль. Наоборот, их роль все больше и больше увеличивается, ибо подчас становится уже, действительно, «жрать нечего». Но, по крайней мере, при совместном труде над одним делом достигается максимально возможное сочетание «хозяйственных»

^a Несмотря на все (фр.).

соображений с толканием мысли на приобретение знаний. А так, когда каждый в одиночку занимается не заранее намеченным «исследованием» и даже не просто чтением, а прямо-таки торопливым строчением из-за заработка, получается не подготовка к возможной роли в будущем, а разложение, увядание и отмирание. Не в том беда, что Кот²⁴ захватит границу или даже всю ту публику, которая до сих пор терлась около нас, а беда в том, что сами мы идейно разбредемся врозь, сойдем на нет. Идейное сплочение нас самих - в этом, по-моему, и состоит первая задача того дела, которое мы затеваем. А что касается публики, то нам искать ее надо не столько в старом болоте, сколько за пределами его.

Вы обещаете следующее письмо наполнить не рассуждениями, а фактами. Я этого обещать не могу, ибо здесь «фактов» никаких...^a

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 12-13.

№ 6

Женева

2 мая 1908 г.

Дорогая В[ера] Ив[ановна],

надеюсь все-таки, что Вы, и пребывая на положении Цинциннаты, не перестаете писать²⁵. Сегодня утром, наконец, окончательно окончился наш ежемесячный «слет», на котором читалось и Ваше письмо ко мне²⁶. Ибо Вы, конечно, и представить себе не можете, до какой степени у нас все тут ловят и дорожат всякой весточкой из России. Если хотите, это служит показателем того, как мало здесь вообще таких вестей. Но Ваши письма, разумеется, особенно интересны всем. Мартынов упорно упрашивал даже меня дать ему Ваше письмо с собою - в его цюрихскую деревню для показа П[авлу] Б[орисовичу]²⁷, который сейчас пишет и потому на сей раз на «слет» не приехал. Мартынов же особенно увлекся Вашим письмом, т[ак] к[ак] он у нас специалист по части искания «отрадных явлений» - не вообще отрадных, а по отношению к нашему детищу, которое здесь, в общем, хвалят, а из России до сих пор только походя и даже авансом ругали. И тут-то Ваш доброжелательный тон, да еще с пожеланием «долгой жизни», был для М[артыновск]ого сердца настоящим целительным бальзамом. А знаете, м[ежду] пр[очим], что вчера как раз произошло два новых «отрадных явления»: 1) 10 р[ублей] от сормовских рабочих - единственное до сих пор пожертвование из России; 2) один петербургский хулигатель написал, что вынужден признать, что теперь, когда с детищем ознакомились, им, в общем, довольны и интеллигенты и, особенно, рабочие. Каково? Ну, это, однако, между прочим, ибо, поверьте, противоречивость, трудность, и пр., и пр. нашего положения и вытекающие отсюда огромные недостатки детища мы и сами отлично сознаем и ковыряемся во всем этом с чисто меньшевистским скептицизмом и «углубленностью».

Теперь возвращаюсь все к тому же вопросу. Во-первых, о предсказаниях, сделанных 25 лет тому назад²⁸. В противоположность Вам я думаю, что именно относительно роли капит[алистической] б[уржуазии] эти предсказания, по существу дела, сбылись больше, чем относительно рабочих. Во-вторых, я полагаю, что ввожу именно «объективные тенденции» русского развития. В 4-й главе романа надеюсь показать это конкретнее²⁹. Но тут же, для самозащиты от обвинения по делу о ниспровержении марксистского метода, разрешаю себе похвастать двумя фактами: моя однородная статья в № 3 вызвала письмо ко мне

^a На этом страница обрывается, продолжение отсутствует.

Карлуши³⁰, в котором он говорит, что моя статья hat Hand und Fuss^a. Эта же статья была немедленно (и по собственному почину) переведена французами в их органе, а Браке поместил по поводу нее в «Humanité» такую восторженную передовицу, что скромность мешает мне пересказывать ее³¹. Я постараюсь отыскать этот номер и послать Вам вырезку.

В-третьих. Насчет сегодняшнего состояния промышленности и даже насчет того, что нынешнее положение будет еще продолжаться долго, б[ыть] м[ожет], целые годы и пятилетия, с Вами нимало спорить и прекословить не буду. Я, б[ыть] м[ожет], смотрю на положение несколько оптимистичнее, чем другие, но не такой я оптимист, чтобы ждать чуда с сегодня на завтра. Да если бы даже теперешнее положение продлилось и 15, и 20, и 25 лет, - это никаких моих чертежей не испортит по той простой причине, что я никаких чертежей не рисую. Я говорю лишь об условиях, при которых может наступить «завтра» (так и озаглавлена моя немецкая статья). Не будет этих «условий» - и «завтра» не будет. А если «завтра» [будет]^b, может быть, то только при наличии этих условий, которые, м[ежду] пр[очим], диктуют вполне определенную тактику. Я лично думаю и пытаюсь доказать это анализом действительности (конечно, - впрямь до написания 100 000 томов статистических трудов - неполным и лишь «приблизительным»), что, рано или поздно, эти условия должны быть. Вы уже сначала говорите, что их не будет, что нашему промышленному развитию пришла крышка, а потом у Вас все-таки выскакивает «завтра». Откуда? Как из палки выстрелило? Или, вернее, только из «психологии»? Конечно, и я думаю, что обмякание режима будет предшествовать подъему, но и само обмякание явится результатом давления будничных потребностей хозяйственного развития; и быть прологом подъема оно может только тогда, когда это развитие создаст и нужные силы, и нужную комбинацию их. Но затем о «поводе» движения толковать заранее незачем. Довольно установить причины и условия. Наконец, четвертое. Вы говорите, что при новом подъеме б[уржуазия] непременно опять попадет в тыл рабочим. Я думаю, что это - по крайней мере для начального периода движения - вовсе не непременно, но это вопрос большой, и на нем останавливаться в письме не стоит. Но пусть будет по Вашему. Это будет только значить, что у нас развитие так и пойдет страшными зигзагами, сменой подъемов и падений. Но ведь в этой плоскости, в вопросе о том, как пойдет все, я вовсе не спорю. Это, в значительной мере, лишь гадание, и у меня на этот счет нет ни единого звука. Но, понятно, я не думаю, что б[уржуазия] пойдет с дубиною.

А, в конце концов, Вы хотите «голового человека» - с[оциал]-д[емократа], который бы «не знал». Чел[овека] так[ого] нет, и прошлое тяготеет над всеми. Я думаю, что даже 100 000 томов статистики будут написаны людьми, которые «знают».

Сегодня должен приехать Г[еоргий] В[алентинович]³², и я все же поговорю с ним насчет нужных Вам книг и брошюр. Во всяком случае разыщу все, что возможно в самом непродолжительном времени и пришлю Вам³³.

Как Вы уже видите из этого письма, мы пока съезжаемся ежемесячно. На лето Ю[лий] О[сипович] переберется сюда, а осенью, если будет матер[иальная] возможность, мы постараемся переехать в Париж. Л[идия] О[сиповна] все время прихварывает; шлет Вам сердечный

^a Имеет под собой реальную почву (нем.).

^b Зачеркнуто Ф. Даном.

привет. Ну, бывайте здоровы! А не заглянете ли как-нибудь к нам? А? Право, здесь у меня одно приятное чувство - мы для детища действительно много работаем.

Крепко жму руку.

Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 14-17.

№ 7

Женева

[После 2 мая 1908 г.]^a

Дорогая В[ера] Ив[ановна],

прилагаю обещанный «оправдательный документ» по делу об обвинении меня в ниспровержении основ марксистского метода.

Сейчас пишу Вам лишь пару строк насчет тех книг, которые Вам нужны. Я обратился с этим к Г[еоргию] В[алентиновичу], который недавно вернулся сюда и - по собственной инициативе, notes le bien^b - справлялся у меня, как и куда Вам писать. Обратился же я к нему по двум причинам: 1) я во всех этих Дидеротах³⁴ смыслом очень мало и 2) в кармане, в удручающем буквально смысле, нет ни сантима, а у Г[еоргия] В[алентиновича] - счет в книжном магазине. За сим, опять в целях самооправдания, сообщаю Вам 2 вещи: 1) получается все больше и больше откликов с мест, свидетельствующих, что наша затея нужна, и 2) вчера видел одного человека «жизни», даже «архи-жизни» - кадет, помещик, трущущий повсюду. Рассказывал он много интересных фактов, настроен очень оптимистически (не в Милоковском смысле оптимистически, ибо это кадет левый, очень непримиримый, рвет и мечет против кадетского ЦК). Расспрашивал я его о том, о сем, между прочим, имея в виду проверить свои «схемы». И, представьте, из его рассказов, из его собственных наблюдений и мнений насчет московского, напр[имер], купечества выходит, что «схемам» соответствуют облаченные в плоть и кровь житейские факты! М[ежду] пр[очим], он говорил мне о паскудности не только Петерб[ургского] настроения, но тех впечатлений, которые от П[етерб[урга] получаются, и уверял, что только снова поживши в провинции, потолкавшись среди помещиков, крестьян, купцов и пр. и пр., он воспылал оптимизмом и пр. Интересно, как Вам покажется провинция.

Ну, жму руку и желаю всяких благ. Как только книги в магазине получатся, вышлю их Вам. Л[идия] О[сиповна] кланяется, она все прихварывает.

Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 18-19.

№ 8

Paris

le 30 Août 1908

Дорогая В[ера] Ив[ановна],

как видите, мы уже в Париже. Ваше письмо получил при самом отъезде из Женева, а сейчас мы находимся в разгаре устройства на новом месте, сильно осложненного двумя обстоятельствами: 1) на днях мы с Л[идией] О[сиповной] ожидаем - увы! - приращения семейства, 2)

^a Письмо датировано на основании содержания предыдущего.

^b Имейте в виду (фр.).

мы сейчас находимся в довольно глупом положении людей, у которых «будут» деньги в октябре, но сейчас нет ни гроша. Приходится всячески изворачиваться, чтобы занимать деньги в пустом Париже, и на это тратить массу времени. Вчера вечером перебрались на свою квартиру (33, avenue du parc de Montsouris) и сейчас у нас царит полный хаос. Я все же решил написать Вам сейчас же хоть несколько строк, т[ак] к[ак] не хочется надолго откладывать письма. Особых «новостей» у меня, правда, нет, ибо, уехав из Ж[енева], я сам оказался вне сферы «новостей». Ю[лий] О[сипович] еще не приехал сюда, Мартынов и Г[еоргий] В[алентинович] тоже пребывают в Женеве. Новая глава романа будет написана через месяц и - знаете - интерес к роману начинает явно повышаться³⁵. Думаю, что ближайшие главы удасться сделать живее, чем были предыдущие.

Я вообще полагаю, что наступающий сезон будет оживленнее предыдущего, и что та несносная подавленность и растерянность, которой мы были свидетелями, начнет проходить. И тогда окажется, что и в наше время есть достаточно дела, чтобы не слоняться со скучающе-разочарованным видом осенних мух. Как видите, я остаюсь оптимистом, а недавно, в газетных известиях о предстоящем съезде октябристов и намечающихся среди них течениях, нашел полное подтверждение своим «схемам» и указание на их начинающееся осуществление. Кстати: получили ли Вы в свое время посланную мною Вам статью Брака из «Humanité» о моих статьях в «Neue Zeit»?³⁶

Вы спрашиваете о Тр[одском]. Он находится - или, по крайней мере [делает] вид, что находится в полной неприкосновенности. Недавно ждал великого Кладдерадача^a по случаю американского кризиса. Теперь ждет какого-нибудь другого подходящего случая, ругает меньшевиков и дружески упрекает б[ольшевиков] за их намерение допустить к пирогу и крестьянство. В состоянии полной растерянности и явного внутреннего разложения находятся беки³⁷. Воровство и грабеж, с одной стороны, религия и философия, с другой, - начинают их разъедать. Ожидается великая битва Ленина с Богдановым по части эмпириомонизма³⁸.

Ну, кончаю. Здоровье Л[идии] О[сиповны], которая шлет Вам сердечный привет, в общем очень недурно. Я, по обыкновению, своим здоровьем удивляю мир. Пишите о себе. Т[ак] поклон И[нне]³⁹.

Крепко жму руку.

Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 20-21.

№ 9

Париж,

33, av[enue] du p[arc] Moutsouris

5 октября 1908 г.

Дорогая В[ера] Ив[ановна],

получил сегодня Ваше письмо и тороплюсь ответить, чтобы еще застать Вас на лоне природы. Дело в том, что выплата моего «наследства» обещана мне в октябре, и, т[аким] о[бразом], в конце этого месяца я уже смогу, вероятно, расплатиться деньгами. Мне надо знать, куда выслать их Вам. Пользоваться посредничеством Н[иколая] Д[митриевича]⁴⁰ я опасюсь ввиду его постоянных разбродов и рассеянности. Тогда же рассчитываю выслать деньги и Д[имке]⁴¹ и тоже не знаю, куда.

^a От немецкого слова Kladderdatsch - шум, скандал, крах.

Об октябристах уж больше не буду говорить, но все же замечу, что Вы напрасно приписываете мне надежды на них; я надеюсь не на них, а на их гниение. - вот и все, и в этом, кажется мне, я не ошибся. А что касается событий в Турции и Персии⁴², то теперь, по-видимому, заворачивается такая каша, что, пожалуй, Ваш пессимизм насчет 3-й весны окажется совершенно неосновательным. Я, по крайней мере, твердо надеюсь еще свидеться с Вами на берегах Невы.

Пока же что, в ожидании будущей весны, позвольте горячо поздравить Вас с наступающим 25-летием группы «Освобождение труда», хоть и в невеселое время придется праздновать этот юбилей, но само содержание его, несмотря ни на что, очень и очень веселое⁴³. И хотя как раз теперь твердокаменные, руководимые «польскими интриганамми», открывают форменную и самую гнусную травлю против нас, все же, я думаю, мы не сгинем!⁴⁴ Собираемся на днях снова дать свету знать о себе, причем Г[еоргий] В[алентинович] - вероятно, по случаю юбилея - пришел в такое писательское неистовство, что накатал для уничтожения эмпириомонистов «маленький фельетон» в 100 000 (читай: сто тысяч) букв!⁴⁵

Драма о Струве сводилась к тому, что А[лександр] Н[иколаевич] трактовал его, как главного выразителя марксистской мысли в конце 90-х годов⁴⁶. Т[аким] о[бразом], вопрос о переедании и недоедании [сводился]^a относился не столько к Струве, сколько к его брэнным марксистским остаткам. По существу дела, мы с Ю[лием] О[сиповичем] встали на сторону Г[еоргия] В[алентиновича], но он, по обыкновению, закусил удила и помчался in's Uferlose^b. К счастью, все кончилось пока благополучно. Да и в самом деле: теперь еще нашей небольшой кучке распасться - что же останется?

Роды Л[идии] О[сиповны] прошли великолепно, и мы в настоящее время являемся «счастливыми родителями» маленькой, но вполне здоровой девочки, коей наречено имя Анна⁴⁷.

Ю[лий] О[сипович] на днях вернулся в Париж. Л[ьву] Г[ригорьевичу] живется в материальном отношении плоховато, но так он своим устройством и тихим, семейным образом жизни, по-видимому, вполне доволен⁴⁸.

Ну, на сегодня кончаю. Крепко жму Вашу руку. Л[идия] О[сиповна] шлет поклон.

Ваш Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 22-23.

№ 10

Париж

7 февраля 1908 г.^c

Дорогая Вера Ивановна,

насчет «мессинского землетрясения» теперь, разумеется, писать уже нечего⁴⁹. Вы знаете, что оно не только было, но что размеры его^d превышают все, что могло придумать самое разнузданное воображение. Думаю, что это землетрясение, в связи с законом 9 ноября⁵⁰, означает полный крах традиционной романтики, и хотелось бы, чтобы событие это помогло вытравить и те всходы этой романтики, которые забрались и в наши ряды. Пока, правда, только единицы из наиболее заинтересо-

^a Зачеркнуто Ф. Даном.

^b Растекаться мыслию по древу (нем.).

^c Вероятно, ошибка. Надо: 1909 г.

^d Далее слово неразборчиво.

ванных лиц приходят к заключению о необходимости тщательно пересмотреть весь свой багаж. Другие, особенно молодежь, после первого потрясения как будто склонны сделать из «dennoch»^a «вопрос чести», в чем их, конечно, усердно поддерживают скомпрометировавшие себя неслыханною близорукостью и прикрашиванием действительности старики. Наконец, усиливается и течение «молодых», сторонников теории «меньшинства», видящих все средство наделать чудеса - взамен «централизованной» провокации «децентрализованною». Но, я думаю, что ни настроение «dennoch!», ни «децентрализаторские» рецепты новоявленных спасителей продержаться долго не могут. И, в конце концов, огромная часть перейдет просто к мирному житию, другая, меньшая, порвет с романтикой. Последнее, мне кажется, особенно несомненным для «серого» простонародья.

«Инцидент» с Г[еоргием] В[алентиновичем] у нас так до сих пор и не закончился. Посылал он письмо о «выходе», потом Р[озалия] М[арковна] взяла его обратно, потом ... впрочем, Вам весь ход таких историй достаточно известен⁵¹. Так и повисло пока все дело в воздухе. Ваши замечания относительно разницы между веком нынешним и веком минувшим, конечно, вполне правильны. Суть главная в том, что «нового слова» от нас в ближайшем будущем ждать нечего. Но это, впрочем, не значит, что ничего «нового» от нас не будет: новым будет то, что придется воплощать в жизнь многие «старые слова», которые до сих пор оставались только словами. История двигалась у нас как бы задом наперед, благодаря чему «последние» казались «первыми», а «первые» - «последними» - не по отваге, конечно, а по «хозяйскому» виду. Теперь - и в этом мучительность переживаемой эпохи - акушер-история совершает «поворот на ножку» не родившегося еще младенца. Все становится на свое «настоящее» место, и «хозяйский» вид будет, на первое время, по крайней мере, у настоящих «хозяев». От них и раздастся новое слово. Это слово вовсе не должно быть более громким, чем то, которое в доброе старое время долбили из года в год либеральные земцы. Новым будет то, что оно будет раздавшимся - конечно, с иной, гораздо более трезвой и реалистической окраской, но, что хорошо - из другого лагеря, чем нас к тому приучила исконная русская традиция. Это создаст совсем новую для России «ситуацию». И новым для нас будет то, что придется действовать, считаясь, как с хозяином жизни и ближайших этапов развития, с тем, кого мы «хозяином» пока, главным образом, только называли. И я думаю, что выговаривать это «новое слово» хозяину поможет та интеллигенция, которая вопреки А[лександр] Н[иколаевич]у⁵², идет на идейную службу к нему, хотя это, конечно, не значит, что она прямо получает жалованье от Кит Китьча⁵³, или прямо поет ему «осанна», как Струве. Ведь и та интеллигенция, которая идейно служила земскому либерализму, не пела хвалы помещикам! Интеллигенция всегда выражает классовую идеологию, так сказать, в «облагороженном» виде и доводит ее до «логического конца». И этот радикализм, и это благородство - вполне искренние, конечно, - помогают переваривать не особенно приглядную идейную снедь.

Не поймите только меня превратно: я не берусь пророчествовать ни насчет быстроты, ни насчет бурности развития. М[ожет] б[ыть], у нас пойдет и совсем по-бисмарковски, хотя я, по многим причинам, и полагаю, что это невозможно. Но суть в том, что у нас наступает, несомненно, новая полоса общественного развития, и наступление ее

^a Тем не менее, однако (нем.).

уже чувствуется и в Думе, и в газетах, и во всех получаемых известиях о настроении различных слоев. Вы ее не чувствуете еще. Боюсь, не зависит ли это от того, что Вы слишком пристально наблюдаете литер[атурное] общ[еств]о⁵⁴, где видна та интеллигенция, которой приходится проделывать над собою особенно обширную операцию и у которой поэтому [...]а длится особенно долго. Мы, конечно, поставлены в несравненно худшие условия для наблюдения каждого «фактора» в отдельности. Но, я думаю, соотношение и пропорциональность всех «факторов» можно же уловить и отсюда.

В связи со всем этим начинаешь как-то чувствовать себя не таким оторванным, как прежде, когда было почти лишь головное сознание «нужности», не больше. Отсюда и наша «формулировка», которую можно признавать верной или неверной, но которая все-таки к одним магическим буквам О.П.А. не сводится⁵⁵.

В личной жизни нового ничего нет. А[идия] О[сиповна] помаленьку скрипит, Нина⁵⁶ - тоже, наша маленькая девица развивается хорошо. П[авел] Б[орисович] переселился теперь на 2 - 3 месяца сюда.

Ну, всего хорошего. Крепко жму руку.

Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 24-25.

№ 11

Париж. 11 марта 1909 г.

Дорогая В[ера] Ив[ановна],

с риском еще раз разозлить Вас возвращаюсь на минуту к вопросу, связанному, по Вашему мнению, с накоплением у меня душевного «жира». Оценивайте этот жир, как угодно, но мне хотелось бы - а этого-то я и не могу до сих пор добиться! - чтобы Вы, по крайней мере, правильно поняли, в чем этот жир заключается. Именно поэтому я хочу внести 2 поправки в Ваше письмо. Во-первых, я, как уже неоднократно высказывал это в печати, на октябристов не возлагаю ни малейших надежд. Октябристы - это не буржуазия, а форма пасования буржуазии перед старыми силами. Во-вторых, и я не отрицаю возможности целого десятилетия или даже десятилетий «гниения». Но, в отличие от Вас, я вижу, наряду с гниением, начинающую складываться новую комбинацию общественных сил, комбинацию, которая может это гниение преодолеть. Я не знаю и не хочу гадать, скоро ли это преодоление произойдет, и как оно произойдет - единым махом или постепенно: это зависит от слишком многих, пока непредвидимых обстоятельств. Но отдать себе отчет в этой новой, складывающейся комбинации необходимо, чтобы иметь возможность работать. В этом создании основы для работы и заключается мой душевный жир. А, если Вы знакомы с моими планами работы, то Вы должны будете признать, что в них нет ничего, напоминающего скачущего с задранной от радости хвостом теленка, что они рассчитаны и на возможность десятилетий «гниения», и на «бисмарковский» ход вещей (который, при известных, хотя и маловероятных условиях, считаю возможным), и на бурные события, возможность которых в новой комбинации! - также отрицать не приходится. Et voilà tout!^b

^a Далее слово неразборчиво.

^b Вот и все (фр.).

О многих делах, о том, кто и как живет, охотно поговорил бы с Вами лично, а писать как-то не пишется, ибо все кажется, что будет походить на сплетню. Отсюда уже Вы видите, что «личная» жизнь сложилась у всех - здесь, в Париже, по крайней мере - по-новому. Новые стали и интересы. Поскольку «жировые» душевные вещества не поддерживают их на более или менее высоком уровне - варьете, кафе, ночные монмартрские кабачки, балы Бюле и Табараны составляют наиболее частый предмет разговоров. Не подумайте, что я морализирую: я сам - один из «видных» участников этого времяпрепровождения. И самым скверным считаю то, что даже втягиваясь в эту «жизнь», «люди нашего круга» втянуться в нее по настоящему не умеют, а остаются со своею внутреннею раздвоенностью на положении «зрителей», о которых «эти дамы» вопрошают: *pourquoi êtes vous si sérieux*^а? И, в самом деле, фигуры мы из себя, вероятно, довольно странные: нечто вроде немецкого пастора посреди всеобщего шабаша. Но нервы гонят из дому, в толпу, в шум, блеск, крик, к веселью - хотя и дикому, и чужому. Кто хочет, утешает себя мыслью, что он «наблюдает нравы» - изо дня в день, все одни и те же «нравы», и притом упрощенные до последней степени. А на самом деле - тут просто реакция нервов, в ряде лет привыкших жить в постоянном деятельном напряжении и вдруг очутившихся на почти полном покое.

Так живем мы, парижане. В Цюрихе - другой, более мирный, и идиллический способ переживания «эпохи реакции». Там Мартынов задумал - ни более, ни менее, как жениться, и действительно женился на молодой, толстой и краснощекой девице⁵⁷. Блаженством, как маслом, смазано все его лицо и на этих днях он собирается в свадебное путешествие в Италию. Недавно был здесь, на все кабаре смотрел с презрением счастливого человека, а уехал крайне обиженный недостаточным внимательным отношением нашим к вдруг всплывшим у него в последний вечер (и совершенно непродуманным) проектам грандиозной реформы нашей работы. Пав[ел] Бор[исович] уже 2 месяца здесь. По-прежнему страдает бессонницей и желудком, пишет никогда недописываемую статью и ведет «собеседования».

Ваша издательница здесь⁵⁸. Можете писать ей через меня. А вот что, кстати: у меня кто-то стащил 1-й том Ваших сочинений. Если можете, пошлите мне его, а также Вашего Вольтера⁵⁹.

Роман наш подвигается, завтра печатается 12 глава⁶⁰. Ну, всяких благ.

Крепко жму руку.

Ваш Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. кр. 666. Л. 26-29.

№ 12

Париж

6 мая 1909 г.

Дорогая Вера Ивановна,

я очень жалею, что по летнему времени и деревенским местам Вы, вероятно, не узрите 13-й главы романа, где дано полное пояснение тому душевному жиру, которым Вы не перестаете меня попрекать⁶¹. Во-1, Вы увидели бы источник происхождения и свойства этого жира, во-2, убедились бы, что жир этот вовсе не так жирен, в-3, надеюсь, согласились бы, что для накопления его есть кое-какие основательные

^а Что это вы такие серьезные? (фр.).

данные, в-4, поняли бы, почему он для нас (я подчеркиваю - для нас, а не для меня одного) имеет крайне существенное практическое значение, и в-5, наконец, б[ыть] м[ожет], допустили бы, что его усвоение другими и только оно даст возможность нашим друзьям - не то что, задравши хвост, теленком прыгать, но выйти из состояния того умственного, духовного и практического рамолисмент^a, в котором они - увы! - так безнадежно пребывают до сих пор. Из того, что для Вас было неожиданностью приобретение Петером Ф. Струве благообразной, национально-русской физиономии, я вижу, что Вы были не в курсе тех дел, из которых вытапливается по нашим временам «жир». Простите сей - спровоцированный Вами же! - «воплъ наболевшей души», и перейдем к другим предметам.

Собираемся мы скоро на юг - в Аркашон. Это под Бордо, морской берег, сосновый лес, песчаные дюны, в 1/2 часа езды - открытый океан. Я бы променял всю эту благодать на Вашу деревню и даже еще на большую российскую глушь, как ни странно Вам это покажется, но по части природы, я - «истинно русский» человек и потому ощущаю временами настоящую тоску по родине. Но *faute de mieux*^b и в Аркашоне будет хорошо. Зову туда П[авла] Б[орисовича]. Он, по обыкновению, отвечает на 4 страницах «нет», но так, что выходит похожее как будто на «да». Веду с ним по этому поводу переписку⁶² и, если до окончания лета он успеет определенно сказать «нет», то думаю звать «молодых» Мартыновых. Думаю воспользоваться летом - ибо это в первый, но, увы, и последний раз, что я еду «к морю» в качестве «капиталиста». Миллионам моим приходит безвременный конец.

Какую тягучую, скучную, вымученную и запоздалую штуку написал, однако, Вересаев в своей «К жизни!» Я едва-едва, и то, пропуская целыми страницами, дочитал до конца и потому даже полки не заметил. Вы, кажется, относитесь к этой повести снисходительно. Но это, вероятно, потому, что Вересаев - «ваш», и Вы вычитываете из повести то, что другим недоступно⁶³.

Пишите мне еще в Париж, ибо я пробуду здесь еще с месяц, а Л[идия] О[сиповна] уедет, вероятно, раньше. Так что пишите на мое имя.

Крепко жму руку.

Ваш Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 30-31.

№ 13

Аркашон

28(15) июня 1909 г.

Дорогая Вера Ивановна,

давно не писал Вам, ибо время было какое-то занятое - перебирался на «дачу». Да, оно и к лучшему. Ибо, очевидно, только перерыв в переписке дает возможность прекратить нашу - полную недоразумений и не приводящую ни к каким результатам - «полемику» о буржуазии, жире, и пр., и пр., и пр. Поживем - увидим.

Здесь, несмотря на дождливую до сих пор погоду, рай земной. Сосновый лес, пальмы, море, невдалеке - океан и большое тепло. Сейчас мы здесь уже все в сборе, кроме Ю[лия] О[сиповича], которого еще целую неделю будет держать в Париже нескончаемый «суд» между

^a Рамолисменто - от французского слова *ramollissement* - размягченность, старческий маразм.

^b За неимением лучшего (фр.).

Бурцевым⁶⁴ и Стародворским, в котором (в суде т. е. а не в Стародворском) он председательствует. Все - и Л[идия] О[сиповна], и Нина, и Рита, и Женя⁶⁵ - здесь очень поправляются, и даже Павел Борисович, сильно подавшийся за последний год, начинает чувствовать себя сноснее обыкновенного и понемногу работает. Доктора велели ему хоть несколько месяцев совершенно не насиловать себя в смысле работы, но он как-то не может приспособиться к такому режиму, и чуть только ему становится немного лучше, сейчас же пытается реализовать накопленный капитал, а это только вредит ему и, в конце концов, порождает чувство глубокой неудовлетворенности.

Центром нашего здешнего «мира» служит общая любимица и баловница - наша 9-месячная девочка, так наз[ываемая] «Киссович». Все ее все, - вплоть до П[авла] Б[орисовича] - влюбляются, ибо, действительно, трудно представить себе такое маленькое существо более живым, развитым и забавным. Говорю это без родительского преувеличения, ибо родительская шишка у меня, как Вам известно, мало развита. Но девочка действительно так не по возрасту развита, что иногда даже опасение берет. Была она у нас очень слаба здоровьем, но здесь растет и полнеет буквально не по дням, а по часам.

Очередная Плехановская история вступила в буйный фарс. Вы знаете исходный пункт этой истории - «обида», нанесенная Старовером⁶⁶ группе «Ос[вобождение] тр[уда]». Полгода Плех[анов] не то выходил, не то не выходил, не то нас проклинал, не то от нас требовал всенародного проклятия Староверу и пр. и пр. - по давно известному трафарету. Слухи ползли по всей границе великой, а мы вынуждены были молчать, ибо никаких печатных доказательств со стороны Плеханова не было. Месяц тому назад он прислал новое заявление о своем выходе из редакции - без объяснения причин; мы его поместили без всяких комментариев⁶⁷. Теперь он, наконец, выступил - но не в печати, а... в собрании женевского «клуба». Там он вдруг начал громить нас за терпимость к оппортунизму, за «ликвидаторство», за легализаторство, за презрение к подполью и пр. и пр. Все болото, разумеется, всколыхнулось. Смута в умах, которая начала уже было рассеиваться даже у б[ольшевик]ов, снова воцарилась повсю. Пошли интриги, б[ольшевик]стские расчеты обнять снова «старого искровца» Плеханова и пр. и пр. А мы все еще связаны отсутствием печатного «выступления». В первый раз, кажется, мне в подобной истории больше всего обидно за самого Плеханова, который опять своими руками разрушает свое же собственное дело и опять лезет в болото, которое ничего хорошего ни ему, ни его делу не принесет. Крепко жму руку.

Ваш Ф. Г.

Все наши шлют горячий привет.

Наш адрес: Франция. Arcachon, Gironde Villa Mon Désir.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 32.

№ 14

Arcachon

6 сентября 1909 г.

Villa Mon Désir

Дорогая Вера Ивановна, только теперь собираюсь ответить на Ваше коротенькое письмо-записку, ибо только теперь у нас наступила окончательно «тишина и спокойствие». За лето перебивала масса народу, многие жили у нас, многие приходили, шум был изрядный. Был здесь А[лександр]

Н[иколаевич], были Прокоп[ович] и Кускова. Много наговорили, еще больше наслушали. Не буду передавать, о чем говорили и как говорили: осень не за горами и, вернувшись в П[етер]б[ур]г, Вы узнаете все «из первых рук»⁶⁸. «Злоба дня» теперь здесь - новая выходка Г[еоргия] В[алентиновича]. Он недоволен статьей А[лександра] Н[иколаевича], мы отказались «поднести ему на блюде голову А[лександра] Н[иколаевича]» (буквальное выражение!). Естественно, что он должен напасть на м[еньшеви]ков, обвинять их в «ликвидаторстве», стать на «защиту партии», снова начать свой пресловутый «Дневник»⁶⁹, взбудоражить все заграничное болото, заставить Идочку⁷⁰ скакать, как бесноватую, запутать все организационные споры и дать возможность захлебываться от восторга всем искателям «дела», которое позволяло бы много говорить, голосовать, проводить резолюции, выражать одобрение и порицание, мирить, посредничать и пр. и пр. Да, впрочем, Вы, конечно, как нельзя лучше представляете себе всю эту великолепную картину, еще более отвратительную тем, что вся эта суета и беготня творится на фоне полной мертвечины и безделья. Поведение Гл[еханова] буквально не имеет оправдания, и то, что он написал теперь, по «орг[анизационному] вопросу», стоит ни на йоту не выше его знаменитых «выступлений» на съезде Лиги⁷¹. Просто обидно, что из-за мелочного самолюбия такой человек способен так постыдно компрометировать себя и свое дело.

Лично у нас нового мало. Киссович развивается великолепно. Все - и Лидия Осиповна, и Рита, и Женя, и Нина, и Юлий - очень хорошо поправились, прибавили в весе, поздоровели. Одно плохо - возвращаемся в Париж снова полными «пролетариями». Капиталистический период нашей истории ликвидирован начисто. Немножко преждевременно, но что поделаешь!

В Париж уезжаем 30 сентября. Женя будет жить у нас - она поступает в университет. Рита в начале октября возвращается в Петербург.

Пишите побольше о себе. Ваши фотографии с «видами» Вашего поместья доставили всем большое удовольствие.

Всего хорошего.

Ф. Г.

Все шлют привет.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 33.

№ 15

Париж

[Сентябрь-октябрь 1909 г.]^а

[...] она так трудно восстанавливается потом! Итак, о «наших делах». Вы правы, когда говорите, что нынешнее здешнее «оживление» - болотная лихорадка. Да и то, в сущности, температура не бог весть как высока, и приступ не обещает быть продолжительным. Так очевидно, что все здесь теперь - болото, то даже такой увесистый камень, как Г[еоргий] В[алентинович], своим падением вызвал легкую рябь, а теперь как будто все опять начинает затягиваться привычной тиной. Наша роль в этом случае сводится почти исключительно к тому, чтобы перевести спор в такую плоскость, в которой разработка спорных вопросов может хотя бы косвенно дать некоторые толчки работе мысли на «местах». Это не так-то легко сделать, особенно принимая во

^а Начала нет.

внимание ту невероятную путаницу и легкомыслие, какие развязал Г[еоргий] В[алентинович] своим «выступлением». Никогда еще, кажется, не приходилось читать столь поверхностного и нелепого произведения, вышедшего из-под пера Г[еоргия] В[алентиновича], как его пресловутый Дневник. С ним могут сравниться разве его речи на съезде Лиги. А произошло это потому, что требуя от нас — по существу дела — «голову П[отресова]» (увы! это Иродиадино выражение принадлежит «самому!»)⁷² и, не желая публично выставлять этого требования, Г[еоргий] В[алентинович] взял на себя миссию оформить смутное недовольство измочаленной своим бездельем и своею никчемностью заграничной публики, ее тоску по минувшему золотому веку. Ясно, что ничего доброго из этого получиться не могло, но зато в жизни заграничных кружков стало одним «событием» больше.

Ну, черт с этим! Прочтите последние главы нашего романа, так будете вполне в курсе дела⁷³.

Личные наши дела таковы: поправились все в Аркашоне чрезвычайно, особенно наша малышка — Киссович. Она уже ходит и начинает говорить. Препотешная и преумная (это не родительское самообольщение, к которому я вообще не склонен!) девчонка! Л[идия] О[сиповна] несколько окрепла, но теперь, в Париже, снова пошла на убыль, да и настроение у нее очень и очень не из важных. К тому же жить стало нам снова гораздо тяжелее: капиталистический период наш миновал безвозвратно, и мы снова владеем «только руками», которые, к сожалению, некуда деть за сколько-нибудь приличную мзду.

С нами теперь живет Женя⁷⁴, которая своею молодостью и живостью вносит очень много хорошего в нашу далеко не веселую обстановку. О себе лично не хочется и говорить: чувствую, что старею, и — voilà tout!^a

Крепко жму Ваши руки.

Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 34-35.

№ 16

Париж

9 ноября 1909 г.

Дорогая Вера Ивановна,

Вы, видно, не получили еще тех писем, которые Женя и я отправили Вам на деревенский адрес, полагаясь на слова Л[ьва] Г[ригорьевича]⁷⁵, что они во всяком случае будут Вам пересланы. Там, помнится, писал Вам, главным образом, о наших здешних делах и делишках. Теперь оказывается, по Вашим словам, что этими делами и делишками интересуются и в Петербурге. И хоть «дела», в общем, пустяковые, но хочется сказать — слава богу! Во-первых, потому что интерес «местных» людей может самое дело из пустякового превратить в серьезное, а во-вторых, потому — каюсь! — что очень уж надоело быть «в стороне от большого света».

А здесь брожение среди беков идет все дальше и дальше, и на днях на его почве возник эпизод, почти невероятный. Эпизод сей произошел в нашей центр[альной] редакции, где кроме Ю[лия] работают один поляк, Кот и два его сподручных⁷⁶. Сподручные — на почве разговоров, бывших у нас с одним из них летом в Аркашоне, затеяли примирение, сближение, объединение и пр. и пр. Долго уламывали они Кота и тот, наконец, согласился. Но согласился

^a Вот и все (фр.).

«мириться» по-своему. Приблизительно так: я, мол, вас скушаю, а затем мы совместно с вами в добром мире и полном согласии начнем кушать ликвидаторов, из них же один - А[лександр] Н[иколаевич]. Разумеется, Ю[лий] отнесся несколько скептически к такому единению сердец. Не буду рассказывать всех перипетий, но окончилось все так, что слово за словом, сподручные изменили Коту, а сей последний в бешенстве заявил, что покидает свое редакторское звание и выходит из коллегии⁷⁷! Tableau^a! Теперь пока на том дело и осталось. Через 3 дня будет новое собрание, на котором вопрос решится окончательно. Конечно, вероятнее всего, что все будет объяснено недоразумением, сподручные так или иначе запросят пARDону, и Кот вернется на царство. Но все же, согласитесь, эпизод характерный, особенно, если принять во внимание, что попутно Кот перецарапался и с польской крысой.

Вот, если хотите, процесс, на который я взираю тоже [с] «заслуженной гордостью», в объяснение чего ссылаюсь на последние страницы моей брошюры о Л[ондонском] съезде⁷⁸. Но, конечно, верхи бековские так прогнали, что на них строить что-либо решительно нельзя. Но если на этих гнилых верхах процесс разложения достиг такой интенсивности, то какой разброд и какая эволюция происходит в шедшей за ними некогда армии?

Что касается московских выборов, то исходом их я очень доволен и ничуть не жалею о малой «классовитости». К чему она? К[онституционные] д[емократы] позаботятся о том, чтобы эту «классовитость» выразить как нельзя лучше, и тем будут подготавливать откол своего левого фланга. Но в этих выборах и во всем, что следовало за ними, признаки грядущего распада в стане победителей уже совершенно очевидны и наглядны, а ведь это для выяснения положения самое важное. Спорить о темпе развития бесполезно, тем более, что в представлениях о быстроте всегда играют роль субъективные элементы. Я-то лично на этот счет пребываю оптимистом и полагаю даже, что роспуск Думы не за горами⁷⁹. А если его не будет, то, значит, внешние условия заставят повернуть «влево». Но поворот будет непременно. И ужасно жаль, что у нас все - рассыпанная храмина. Потому-то и кажется мне особенно важным, чтобы пустяковые заграничные «дела» поскорее превращались в серьезное дело. Пока признаков такого превращения - увы! - бесконечно мало. Нельзя даже добиться хоть простого извещения о том, что делается. Мне было обещано, напр[имер], осведомить подробно об избир[ательной] кампании в Пб-ге, но обещание это прибавило, очевидно, только лишний камень в адскую мостовую.

Напишите, Вера Ивановна, что это за «дом писателей» такой, в котором Вы живете, какова внешняя обстановка, и как там вообще живется. Очень хочется узнать о Вашем житье-бытье поподробнее⁸⁰.

А как Вам нравится дикая история с Кристей? Здесь были уже телеграммы, что он расстрелян, и хотя сегодня газеты сообщают, что он просто выслан в Венгрию, но беспокоит то обстоятельство, что ни его сестра, ни его друзья не получают никакого ответа на свои многочисленные телеграфные запросы⁸¹.

О личных делах - своих и чужих - опять не пишу, да и не умею я писать о них: легче говорить, и то не всегда. Живем теперь в общем все гораздо скромнее, чем в прошлом году: приходится по одежке протягивать ножки. Да и охота к шумному и веселому Парижу как-то упала. Повидали, посмотрели, - и, в конце концов, все довольно-таки однообразно. Зато почему-то усилился интерес к серьезной музыке, к

^a Картина (фр.).

серьезной живописи и т. д., и в этом году мы все пользуемся Парижем в этом отношении гораздо больше, чем в прошлом. Работается, в общем, плохо, по крайней мере, мне. Но здесь вряд ли играют роль личные причины, т. к. и Ю[лий] О[сипович] не бог весть как работает. Ужасно хотелось бы не писать, а только читать. А, с другой стороны, ужасно хотелось бы в Пб-г, и кажется, что там охватила бы, наоборот, жажда писать, ходить, говорить, вообще - работать. Но Вы по отношению к Пб-гу пессимистка, и, т[ак] к[ак] с Вами сходится в этом отношении и премьер-министр (зри его интервью с Гарвеем), то приходится принять свидетельство таких двух антиподов за объективную истину, а свои мечтания признать иллюзией.

Крепко жму руку

Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 36-39.

№ 17

Париж

12 февраля 1910 г.

Доргая Вера Ивановна,

я много виноват [перед] Вами, что молчал так долго. Причин тому много и самых противоположных, но главная - масса работы, соединенная с пониженной работоспособностью. Пишешь, пишешь, - и конца краю этому писанию не видно, да и нужно писать - отчасти по «вышним» соображениям, отчасти - потому, что пить-есть надо. По последним соображениям пишем, между прочим, ежемесячные обозрения в нелепейшем журнале, который, благодаря шалостям атомов в различных годовых и карманах, издается почему-то в Давосе. На кого он рассчитан, неведомо. Можете себе представить, что при таких условиях писать не слишком приятно⁸². Да и вообще - так хочется не писать, а читать, приглядываться ко всему новому, освежить старое, - да нет, не выходит!

У нас здесь - событие. На все лады склоняется слово «объединение», хотя на самом деле никакого объединения нет, а есть лишь поистине поразительный случай совершившегося почти с феерической быстротой и неожиданностью морально-политического крушения известного кружка⁸³. Как будто какой нарыв злокачественный лопнул! И, уверяю Вас, ароматы при этом происшествии распространились далеко не первосортные! Но кружок, лопнувший как морально-политическая единица, остался все-таки кружком и позаботился обеспечить себе везде «большинство», лишенное уже теперь всякого принципиального содержания, и потому в известных областях способного принести еще очень много зреда. В общем, кажется, итог таков, что для нового строительства теперь открыты более широкие пути, ибо в корне уничтожены те идейно-организационные рогадки, которые стояли раньше на его пути. Но зато, наоборот, сделано все возможное, чтобы это «новое» не примкнуло к «старому» и не оживило его, наполнив новым духом и новым содержанием, и пошло мимо, своими путями. И думается, что для «старого» наступивший «мир и в человецех благоволение» - это то самое «улучшение», какое наблюдается у чахоточных хроников перед последним концом. Есть некоторые обстоятельства материального свойства, которые обеспечивают, во всяком случае, существование старого аппарата в течение 3 лет. Но ведь если это будут просто 3 года «искусственного питания», то настоящего толку от этого мал, и пока все напоминает мне какой-то

своеобразный *maison des retraites*^a. Но, повторяю, ко всему, в целом, я не отношусь совершенно скептически, и думаю, что для «нового» открыт простор, которым нужно воспользоваться. Остается под знаком вопроса, сможет ли «старое» помогать. Но, что оно лишено возможности мешать - это несомненно.

От Бл[юменфельда] получили несколько коротеньких писем⁸⁴. Послали ему 50 фр[анков], сегодня посылаем ему еще 50. Кроме того, 50 фр[анков] он получил от 2 своих приятелей, из которых, впрочем, один (зубной врач) не столько «приятель», сколько свинья, ибо послал всего 25 фр[анков], ссылаясь на то, что якобы «наводнение» (!) помешало ему сделать больше. Полагаем, что у Христи⁸⁵ Бл[юменфельд] достанет денег для переезда в Париж. И хотя ничего определенного здесь ему пока предложить невозможно, но среди своих он, во всяком случае, не пропадет.

Живется, в общем, ни шатко ни валко. Только Л[идия] О[сиповна] начала что-то прихварывать, и мы подумываем о том, как бы ей с ребятами перебраться к 15 апр[еля] в Аркашон. Но тут, конечно, выдвигаются материальные соображения, ибо я уже давно перешел на старое положение.

Пишите о себе!

Жму руку

Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 40-42.

№ 18

Париж

23(10) февраля 1911 г.

6, rue des Chartreux

Дорогая Вера Ивановна,

давно не писал Вам, так что уже и не знаю, с чего начать. Разве с того, почему не писал? Но это Вы, поди, сами знаете. Есть люди, которые много пишут, когда у них на душе плохо; есть другие, которые, наоборот, обнаруживают некоторую склонность к писанию писем лишь тогда, когда у них на душе, если и не хорошо, то хоть сносно. Я принадлежу ко второй категории.

Это не значит, разумеется, что в последний год я в общественном отношении стал пессимистичнее. Ничуть не бывало. Правда, этот год не был для нас легким и прошел почти целиком под знаком чистки Авгиевых конюшен, которые - увы! - пока чище не стали. Собираемся мы по этой части совершить и еще один, чисто геркулесовский подвиг, после которого получим, по крайней мере, моральное право уйти из всех «органов власти» и превратиться в «безответственную оппозицию». Знаю и то, что впереди еще масса безрадостного, да и «оживление» идет далеко не так «живо», как то желательно было бы нашему нетерпению. Но при всем том за этот год как-то осязательнее почувствовалось, что мы в общем стояли на правильном пути и недаром проявляли ангельское терпение, когда, отстаивая свою грудь «ликвидаторов», получили в ответ от них же лишь презрительное пожимание плечами. Теперь видно, и «роман» наш существовал не совсем бесплодно⁸⁶. Правда, его не читали или очень мало читали, и бог весть, с какой главы начнут читать аккуратно и с интересом. Но факт таков, что близятся времена, когда он может понадобиться, или если не он сам, то сбереженные им от распыления и вырождения силы. Если

^a Дом престарелых (фр.).

бы его не было за эти 3 беспросветные года, теперь бы, пожалуй, и костей нельзя было бы собрать того, что может и должно множиться и жить. Скажу откровенно: за эти 3 года не раз мелькала мысль: да уж не плюнуть ли и о самом деле на все? Но всегда удерживала мысль о будущем и о том неизбежном разброде, который последует за прекращением «романа». И вот в этом году впервые осязательно почувствовалось, что ляпка, которую мы тянули почти в полном одиночестве целых 3 года, была не совсем бесполезна. Как хорошо было бы, если бы хоть на четвертом году кончился для нас «пролог» истории и началась настоящая история! Разумеется, это связано с тем, чтобы «пролог» кончился и для «ликвидаторов» вообще, чтобы из проблематического и потенциального бытия они перешли в реальное и перестали быть «отдельными посетителями» - каждый своего экономического департамента. Насколько сие возможно, это, конечно, не нашего заграничного ума дело; это дело практики и реальной обстановки. Но что должно быть налицо — неперенное желание во что бы то ни стало искать и найти пути для превращения потенциальной энергии в кинетическую, это и мы можем и должны говорить, теперь еще с большею настойчивостью, чем при начале нашего «романа».

Без этого и при нынешней, не бог весть какой, степени «оживления», положение людей становится иногда прямо трагическим. Так именно я смотрю, напр[имер], на положение наших студентов, о чем Вы спрашиваете. Что им надо «участвовать», раз налицо нет ничего другого, это ясно само собою. Но трагедия заключается в том, что нет такого движения или такой организации, которой они могли бы «подчинить» свое «участие», чтобы придать ему хоть сколько-нибудь «эсдековский» вид, сделать его частью чего-то более широкого и цельного. С другой стороны, ограничиваться по отношению к движению только проповедью - идите к рабочим - немисливо. Трагедию я и вижу в том, что какому-нибудь строю эсдеку теперь приходится определить свое отношение к студенческому движению, как к движению самодовлеющему, приходится играть роль просто «крайней демократии» и ничего больше. Психологически это должно быть так же трудно, как, проштудировав Маркса и вытранировав себя на европейское рабочее движение, вдруг очутиться руководителем движения каких-нибудь папуасов, где ни о каких «пролетариатах» еще и помину нет! Но это - психология, объясняющая сдержанное отношение «стариков» к событиям. А логика требует, конечно, того, чтобы участвовать в движении, которое есть, а не хранить себя на предмет движения, которое еще, м[ожет] б[ыть], будет. А не будет этой проклятой распыленности, самое участие в качестве просто «крайней левой» не носило бы такого психологически-принижающего характера.

Я выражаю свои мысли не совсем связно, но не потому, чтобы они были у меня не совсем связаны, а потому, что связан язык.

У нас все благополучно. Только сегодня наша маленькая девочка прихворнула что-то, и я опасюсь даже, не корью ли.

Крепко жму Ваши руки и надеюсь, что переписка наша возобновится.

Ваш Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 43-45.

№ 19

Париж

6 мая (24 апреля) 1911 г.^а

Дорогая Вера Ивановна,

получил сегодня Ваше письмо и сейчас же отвечаю, чтобы не откладывать дела в долгий ящик. А то отложишь - чаще всего вовсе не напишешь. Волею судеб, творящейся в образе домовладельца, булочника, мясника и пр. и пр., я стал такой пищущей клячей, что братья за перо еще сверх того, [...]^б, но для меня иногда истинное мучение. И, кажется, в ту самую минуту, когда я разбогатею, я перестану быть писателем и стану читателем, что ли. Ей-богу, это куда интересней!

Не писал Вам целую вечность, чуть ли не еще с той поры, когда Вы были пессимисткой. Бесконечно рад, что теперь оптимизм и Вас захватил. Рад не только за Вас, но и потому, что по Вашему письму чувствуется, что действительно [...]^с, наконец, проходит, и всякие схематические «перспективы» облекаются вновь в плоть и кровь. И хотя в «схемах» я, как Вам известно, всегда был неисправимым оптимистом, но одно дело головная уверенность, другое - живое ощущение. Это живое ощущение рождалось уже за последнее время не только из газетных известий, но и из писем наших профессионалов пессимизма. Уже одно то, что писем стало больше, о многом говорило. Но все же как-то боязно было поверить и страшно хотелось (да и хочется) своими глазами увидеть, своими руками пощупать.

Теперь у меня другое опасение. Справятся ли те, кому вестать надлежит, с новыми задачами. Ведь все придется делать по-новому, в новых формах. Придется идти по довольно узкой стезе, где небольшое уклонение и вправо, и влево одинаково опасно, где, главное, важно почувствовать (и соответственно поступить), что начинается «героический» период, хотя и в новых «мирных», «немецких формах». По-видимому, пока дело очень хорошо. Но помешают известия сторонников большого Кота, и, как будто, возрождается тяга к старому, совсем, совсем старому. Помешает другого, нашего бывшего легкомысленного друга⁸⁷, и опять кажется, что все идет точь-в-точь так, как ему именно нужно. Не умеют у нас как-то корреспондировать объективно - и считают задачей хорошего корреспондента изобразить все «в лучшем виде». Но, повторяю, мне все-таки кажется, что пока все идет честь честью. «Историю» мы все считаем очень удачным делом, которое может иметь большую будущность⁸⁸. Но, как Вы сами, конечно, догадываетесь, в эту сторону открыта уже «беспощадная» пальба: измена, ходатайство, [слезница?] и даже «попрошайничество». А нужно, догадываетесь, что? Забастовка, ни больше ни меньше. [...]^д без запроса - и потому - никакой уступочки. Чего же удивляться, что Жорж чуть не с удовольствием нюхает «Мысль», когда он, не моргнувши глазом, проглатывает и этакое коленце своих «союзников»⁸⁹? Вообще, я не могу, к сожалению, рассказать Вам, какие, вообще, мерзости (между прочим, и по отношению лично ко мне) оказался способным «нюхать», и даже не только «нюхать», а и благосклонно плодить, Жорж. Трудно поверить, на какие мелкие пакости может быть способен такой крупный человек. «Политически» он, впрочем, уже очень долго молчит, хотя, как передают, и собирается вскоре снова заговорить. Но зато он очень усердно занимается «непротивлением злу» и даже поощрением его [...]^е.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 46-47.

^а Текст письма сильно размыт и часть слов не поддается прочтению.

^б Два слова неразборчивы.

^с Слово неразборчиво.

^д Слово неразборчиво.

^е Конец обрывается.

№ 20

Париж
7, rue Mèchain

21(8) декабря 1912 г.^а

Дорогая Вера Ивановна,

с истинным отчаянием пишу Вам эти строки. Вчера получил от некоторых друзей из Пб-га весть, что Л[идия] О[сиповна] пошла по старому пути⁹⁰. За все это время я не знал ни минуты душевного покоя и все время жил в предчувствии катастрофы. И вот, кажется, эта катастрофа окончательно надвинулась, и я чувствую себя бессильным что-либо предпринять. Более того, я чувствую, что это - катастрофа и для всей моей жизни и деятельности.

Вы знаете так же хорошо, как и я, что Л[идия] больна, тяжело больна. И я все время употребляю усилия, чтобы заставить ее признать себя психически больной и лечиться. Я надеялся как раз в последнее время⁹¹, что мне удастся довести ее до этого. Но вот, развязка приблизилась раньше, чем удалось добиться этого, и ударила меня втрое и самим фактом, и теми обманами, которые вдруг открылись мне, и страхом за будущее и самой Л[идии], и нашей бедной девочки [...].

Само собой понятно, нельзя ни от кого требовать [...] и необходимости во имя болезни, раз человек [...] приносит вред. Я и [...] потребовать этого. [...] необходимое будет сделано. Но я хотел бы, дорогая Вера Ивановна, чтобы Вы были в этом деле, так сказать, адвокатом человечности во всем, что касается формы, в которой эти меры будут приведены в исполнение. Здесь говорит во мне не только глубокая жалость к Л[идии] - с этим никто не обязан считаться; - но опасение, что, если ей [...] будет закрыт всякий доступ к общественной деятельности (что, по-видимому, необходимо), но дело будет поставлено так, что она, напр[имер], и свою службу должна будет покинуть, то это даст ей лишь толчок для соскальзывания в бездну [...]9. Я ничего не прибавлю к этим строкам, ибо слишком подавлен, чтобы много распространяться на эту тему, да и все недосказанное Вы сами поймете. Говорить же о чем-либо другом нет сейчас сил.

Крепко жму Вашу руку.

Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 48-49.

№ 21

[Октябрь - до 12 ноября 1914 г.]

Понедельник, за Кунгутом.

Готовимся перевалить Урал и по этому случаю (?) шлем Вам привет. Едем удобно, но с большим запозданием.

Ваш Ф. Гурвич

Милая В. И., не забывайте.

Л[идия]

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 50.

⁹⁰ Часть письма склеилась и не поддается прочтению, но его содержание, как нам кажется, связано с фактом появления в № 16 от 25 марта 1912 г. центрального меньшевистского органа, петроградской «Рабочей газете» письма Л. О. Дан из Усоляя о своем отказе от общественной деятельности и, тем самым, выходе из партии. См. об этом: Дан Ф. И. Письма... С. 316 и «Из архива Л. О. Дан». С. XXIV. Письмо приводится в том виде, в каком его удалось прочесть.

⁹¹ Слово неразборчиво.

⁹² Два слова неразборчивы.

⁹³ Слово неразборчиво.

⁹⁴ Написано карандашом на почтовой открытке с видом Вологды. Указан адрес Засулич: «В. И. Засулич. Улица литераторов, 19. Петроград». Датировано на основании содержания.

№ 22

Минусинск Сим[б]. губ.

12 ноября 1914 г.¹¹

Дорогая В[ера] Ив[ановна].

Прибыли сюда (конечно, почти без сантимов!) и «устраиваемся». Сняли за 12 р. в месяц меблированную квартирку. Адрес наш: Боровая ул., д. Блиновой. Все здоровы и благополучны, городок очень сносный, дорога была великолепная (хотя в один вечер чуть не заблудились в степи), но настроение у меня далеко не райское. Жду Ваших писем и сам напишу подробнее, когда окончательно обоснуюсь. Л[идия] О[сиповна] шлет привет.

Ваш Ф. Дан

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 51.

№ 23

Минусинск

[После 12 ноября - декабрь 1914 г.]¹²

Ну, здравствуйте, дорогая Вера Ивановна!

Добрались мы, наконец, и до Минусинска⁹². Чудесное место, но, все-таки, черт бы его побрал! Не могу до сих пор примириться с мыслью о необходимости торчать там, куда меня ни с какой точки зрения не тянуло, и быть так далеко от места, где хотелось бы быть. Еще ежели бы можно было здесь целиком уйти в занятия «для души»! Мне есть о чем подумать и что почитать: Вы ведь знаете, как отстал я по этой части благодаря тому, что куча «дел» заставляла разрываться на части и не оставляла ни сил, ни свободного времени. Но - нема грошей и, следовательно, приходится думать о том, как их добыть. По-видимому, иначе, как медициной, добыть нельзя. А вернуться к медицине значит для меня уйти в нее с головою - не только потому, что я сильно отстал и многое позабыл, но и потому, что, по натуре своей, я не могу взяться за дело, не чувствуя твердой почвы под ногами и не сознавая себя в этом деле «хозяйном»⁹³.

Хотелось бы о многом написать и порасспросить, но ... не так пиши, как хочется. Я теперь с жадностью читаю газеты, и так как они здесь получают за несколько дней сразу, то иногда на это почтенное занятие уходит все время с утра до вечера. Мне кажется, что за последнее время сильнее заставляет обращать на себя внимание обратная сторона медали, причем исходной точкой является все тот же злосчастный национальный вопрос, в котором, как в фокусе, много собирается. Господа поляки из [...] успели уже показать себя в полном блеске, и иногда мне кажется, что им нарочно не мешают компрометировать себя в глазах «общественного мнения». Это пригодится, когда они начнут предъявлять векселя к уплате.

Пишите о себе и о всяких «настроениях», поскольку это возможно. Вашим письмам я буду особенно рад. Горячий привет Ф[едору] С[мидовичу]⁹⁴. А Вам - всего, всего хорошего.

Ваш Ф. Гурвич

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 52-53.

^a На почтовой открытке с видом Минусинска. Указан адрес Засулич: «В. И. Засулич. Дом писателей. Ул. Литераторов 19. Петроград».

^b Письмо датировано на основании содержания предыдущего.

^c Слово неразборчиво.

№ 24

Минусинск

8 января 1915 г.

Дорогая Вера Ивановна,

сам Господь внушил Вам счастливую идею - написать мне о «настроениях». Только от Вас одной я почти и узнаю что-либо, т[ак] к[ак] пишут мне из Пет[ербурга] крайне мало и редко, и переписка моя все больше и больше сосредотачивается в районе Сибирской ж[елезной] д[ороги]. А между тем, мне быть «в курсе» страшно важно, т[ак] к[ак] теперь я года на 3 становлюсь медиком, время мое почти целиком посвящено служению богу Эскулапу, и - того и гляди! - я совсем одичаю.

Что касается самих «настроений», то у меня - почти чувство зло-радства при виде тех поджатых хвостов, которые сконфуженно торчат из-под многих фалдочек. Облетели цветы, догорели огни - и, слава Богу, что не слишком поздно.

На Запад и я очень радуюсь, но только думаю, что это - новая иллюзия или, вернее, перемещение старой иллюзии с «нас» на «Запад» - думать, что вопрос в том, когда и кого «поколотят». Я вообще сомневаюсь, чтобы при нынешних обстоятельствах (Вы же знакомы с современной педагогией!) колотушки приносили пользу тому ли, кого бьют; тому ли, кто бьет. Где есть побитый и побивший, там непременно есть и жажда мести, и приготовление к мести и т. д. Ничего хорошего отсюда выйти не может. Поэтому я с радостью и целиком присоединяюсь к позиции Л. (она была полностью напечатана в «Харьк[овском] утре»⁹⁵). Это - именно то, что надо. Другой вопрос для меня, должен ли он был именно в такой форме нарушать дисциплину, не мог ли он опубликовать свое мнение и отсутствовать что ли при голосовании. Я не сомневался бы в пользе резкого нарушения дисциплины, если бы его акт мог уже встретить соответствующий отклик за пределами одной страны. Но кажется, для этого время еще не пришло. Прочтите хотя бы, что писал Лунач[арский] в «К[иевской] м[ысли]» (я ее получаю).

За «лицом» Струве (она рожа!) слежу лишь по выдержкам в «Речи», «Дне» и др. газетах, т. к. «Бирж[евые] вед[омости]» не получаю. Что касается пафнов, то я думаю, что если их «старание» и составляет, как Вы пишете, «их лучшее свойство в глазах тех, кому они предъявляют векселя», то разве в том смысле, что «стараниями» они так основательно и всесторонне компрометируют себя, что к моменту платежа векселькам будет грош цена.

О [Скирет] мне писали в Тобольск. Но я вижу, что Вы (или кто другой?) получили письмо от Пав[ла] Бор[исовича]. Крайне хотел бы знать, что он пишет. Если бы мне можно было на денек прислать его письмо (конечно, если это не простая записка о Ск.)?⁹⁶

С 15-го янв[аря] я окончательно становлюсь врачом и открываю свой «кабинет». В связи с этим перебираюсь на новую квартиру, и отныне адрес мой будет: Улица Петра Великого, д. П[ест]унова. Сообщите, пожалуйста, сей новый адрес мой всем, кого сие интересует. Л[идия] О[сиповна] поправилась и теперь ждет только пенеиззов, чтобы тронуться в путь. Девочка была и есть здорова. На новой квартире мы будем жить с молодой супружеской четой (ссылной), очень милой и очень привязавшейся к Киске.

Бл[юменфельд] еще не получил, конечно, обещанного мною делового письма. Но пусть ждет. Письмо будет.

Ну всего Вам хорошего.

Крепко жму руку.

Ваш Ф. Г.

Л[идия] О[сиповна] шлет привет.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 54-56.

№ 25

Минусинск

14 февраля 1915 г.

Дорогая Вера Ивановна,

вот когда собрался я только ответить на Ваше последнее письмо! Мне это неприятно потому, что Вы могли приписать мое молчание содержанию Вашего последнего письма. Между тем, на самом деле, только двукратная болезнь, «медицина» и медицинская же недельная поездка на Енисейские пороги вынудили меня так долго откладывать свой ответ.

Впрочем, я думаю, что теперь «отвечать» мне нечего, ибо только сторяча могли Вы принять мое личное письмо к Вам (или кому-либо другому), след[овательно], письмо интимное, не подлежащее оглашению, за какую-то «нетерпимость» в дурном, чуть ни ленинском смысле этого слова. Я в первый раз слышу, чтобы самый резкий по форме отзыв, самое резкое по существу отношение к определенному кругу идей, высказываемое среди друзей и для друзей, могло считаться какою-то недопустимостью, сектантскою «нетерпимостью»⁹⁷. И только в том случае, если бы я без достаточного основания или, не сделав всего возможного для улажения разногласия «внутренними» мерами (хотя бы и самыми резкими, насмешливыми отзывами), вышел бы с такими же резкими выпадами, с «отлучениями» и пр., и пр. наружу - только этом случае Ваш упрек по моему адресу имел бы хоть тень основания. Но Вам хорошо известно, что я не делал и не собирался делать ничего подобного. Что тому единственному публичному выступлению, к которому я считал себя вынужденным и обязанным (и которое не состоялось), я всячески - с явным ущербом для себя, как то и оказалось, - старался придать возможно мягкую и «неотлучающую» форму. И, наоборот, Вы хорошо знаете, что гордое предложение «сделать одолжение» и размежеваться (предложение, которому я, как видите, не последовал) исходило именно от тех, кто теперь жалуется на совершенно мнимую мою «нетерпимость».

Затем о «руготне». Ведь это неверно, будто я только ругаюсь и ничего не говорю «по существу». Потому что «существо», из которого я исхожу, когда «ругаюсь», отлично известно тем, кого я критикую: я о нем довольно и говорил, и писал. Следовательно, поскольку речь идет об этом, причины моего «раздражения» хорошо понятны тем, кого я «ругаю». Но есть и другая сторона в деле. Ведь кроме разногласий по существу, дело еще другое: было явное желание «размежеваться» на «мы» и «Вы», явное нежелание сделать хотя бы попытку столковаться, явное пренебрежение к тому очевидному и несомненному факту (нравится ли он кому, или нет, считает ли его кто разумным, хорошим и т. д., или, наоборот, только дурацким заблуждением), что в глазах многих и многих ответственность за сказанное именно на меня возлагается больше, чем на кое-кого из «казавших» И все это - нежелание предоставить мне возможность быть хоть в какой-нибудь мере участником предварительного обсуждения - мотивировалось необходимостью как можно скорее сказать миру какое-то «новое слово» (плод «усиленной работы» - говорили мне), которое способно положить конец хаосу и разброду. Но вот тут-то и возмутила меня книжка тем, что я не увидел в ней ни атома той идейной силы, веры в себя, страсти, которые в моих глазах психологически оправдали бы это «нетерпимое» стремление высказаться как можно скорее, идти «напролом», хотя бы ценою «размежевания». Наоборот, я увидел явное, лишенное крови пережевывание двух-трех мыслей, которые раньше

уже были превращены в кашу челюстями всяких «Русских Ведомостей», «Дней» и «Речей», которые уже успели целыми ведрами излить всевозможные Стекловы⁹⁸. И тут для меня стало очевидно, что в той подлинной «нетерпимости», на которую я наткнулся, сказывается не извинительная «нетерпимость» бойцов, а - снова и снова - узкая нетерпимость кружка, который заранее дрожит над целостью идей, высуженных им по возможности вне всякого общения со скольконибудь инакомыслящими, немедленно объявляемыми «идиотами», «сысойками» и пр. А между тем, уж сколько раз эта кружковая узость губила нас!

Не знаю, переубежу ли я Вас, - вернее, что нет! - но, как я ни привык - особенно в вопросах, т[а]к сказать, этических - считать Вас почти непререкаемым авторитетом, но в данном случае я и сейчас чувствую себя ничем не погрешившим - разве неэстетической резкостью выражений! Но не в эстетике же дело.

И уж, конечно, не в том дело, что я, как человек - де практический по преимуществу, против «бесполезных» тем. Ничего подобного. Но, во-первых, я требую, чтобы тот, кто берется за такие темы, действительно разработал бы их, а не давал бы поверхностной и очень уж «практически» ad hoc^a скомпилированной, односторонней трактовки, которую, повторяю, в течение полугода можно было читать во всех газетах. Во-вторых, я думаю, что если в свое время Бернштейну⁹⁹ делали упрек - и справедливый упрек, - что он вынес не готовые результаты, а процесс своих «критических» сомнений и, таким образом, - без достаточного на то права - вносил расстройство в «практику», то и для других существуют те же правила поведения, что и для Бернштейна. И вот этого-то скорострельного «пересмотра» я не приемлю. А попытка положить такой quasi^b «пересмотр» в нову практического поведения встречает с моей стороны самое решительное осуждение. И, при всем моем уважении к теории, Вы меня ничем не убедите, что теоретику всегда надо спешить с изложением в печати «недозрелых плодов» своего ума, да еще высокомерно объявлять «идиотической» практику, которая не желает немедленно же признать этот кислый фрукт за спелое райское яблоко. Впрочем, сейчас этот вопрос в значительной мере потерял свой интерес. Ибо, с одной стороны, почти нет на свете «малых сих», соблазненных этой новоявленной «теорией», которая, кстати сказать, сама провозглашала свои - отнюдь не теоретические, а практические задачи. С другой стороны, мне кажется, что события день за днем столь больно бьют эту «теорию», что даже писатели «Дня» вынуждены от нее помаленьку отступать¹⁰⁰.

Остается мне только сказать еще, что я решительно не понимаю упреков, которые делаете мне Вы и особенно Л[идия] О[сиповна] за Ю[лия] О[сиповича]. Я не знаю, что и как он пишет, и, во всяком случае, за каждое его слово ответственным быть не могу. В общем же, с его взглядами (поскольку я знаю их из его 2 писем ко мне)¹⁰¹ я солидарен. Я уже писал Вам, кажется, что, по словам Ю[лия] О[сиповича], с ним солидарны также П[авел] Б[орисович] и Март[ынов].

Читал 1-й № «С[еверного] г[олоса]»¹⁰², хотя сам лично его не получил. Статьями своими № мне мало понравился: очень уж они бледны, растянуты и малосодержательны. Но самый факт, что явилось место, где снова заговорили о рабочих и, надеюсь, заговорят сами рабочие, очень порадовал меня. Постараюсь писать туда, хотя я теперь по части

^a Кстати (лат.).

^b Минимый (лат.).

писательства - человек «обреченный», по крайней мере, на год: очень уж много сил и времени поглощает у меня медицина. И хотя я теперь имею много приглашений писать, но почти не могу использовать их. Разумеется, поскольку писать будет возможно, первое место принадлежит «С[еверному] г[олосу]». И вот, подите же, какое mentalite^a у г.г. петербуржцев: В[ладимир] О[сипович]¹⁰³ запрашивал меня, можно ли считать меня в числе сотрудников. Я только теперь вспоминаю, что позабыл ответить ему на этот вопрос.

Однако я расписался сегодня. Пора ставить точку. Пишите! Как Ваше здоровье? Что поделявает Бл[юменфельд]? Получили ли письмо для него?

Крепко жму руку.

Ваш Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 57-62.

№ 26

Минусинск

13 февраля 1916 г.

Дорогая Вера Ивановна,

страшно рад был Вашему письму. Так давно не было вестей от Вас и о Вас, - ибо почти вся переписка моя с «Россией» оборвалась. Думаю, потому, что письма все больше и больше превращались в полемику. Как это ни грустно, а все-таки приходится делать из всего пережитого вывод, что старая наша компания рассыпалась и теперь уже навсегда. Сборник, который я недавно только прочел и в котором с огорчением увидел Вашу статью, не оставляет в этом сомнения¹⁰⁴. Еще с Вашей статьей можно просто «не соглашаться», считать ошибочной Вашу оценку положения и действующих сил, словом, признать разномыслие преходящим, потому что целиком укладываемым в рамки «фактов», где всегда допустимы не только всякие поправки, но и просто последующее признание ошибочности своей оценки. Но самый метод рассуждения, тактические «лозунги» и пр. в статьях А[лександра] Н[иколаевича], Маслова, Ана, Вольского, А[ввова]-Рог[ачевского]¹⁰⁵ показывают, что с этими людьми у нас утерян «общий язык», утерян, по крайней мере, настолько же, как с Лен[иным]. Так что если мы и встретимся с ними на общей работе, то уже тесной, обособленной семьи с ними у нас никогда не будет. Вот как неожиданно «преодолеваются» фракционные деления! Сборник, во всяком случае, вызовет самый резкий и публичный отпор¹⁰⁶.

Я лично сейчас еле мирюсь с тем, что для литературной работы у меня почти не остается ни минуты свободной. Но, взялся за гуж! А не взяться тоже нельзя было, и я сейчас, тяготясь своим образом жизни, в то же время, ежечасно благодарю судьбу, что она избавила меня от необходимости рассчитывать на внимание, заботу и помощь добрых друзей. К сожалению и стыду, и Вам на самой себе приходится постепенно испытывать всю прелесть «товарищеских» чувств, господствующих в самой среде...

Теперь дело обстоит так, что б[ыть] м[ожет], я буду еще мобилизован.

В правилах о белобилетниках уже содержится прямое указание на то, что для административных никаких исключений не делается. А недавно сюда был сделан запрос о том, кто из ссыльных подлежал призыву в прошлые мобилизации. Толкуется это так, что нас, рабов

^a Образ мыслей (лат.).

Божиих, потянут на цугундер теперь. Я, в сущности, ничего против этого не имею, но будет архидосадно, если, обличив в мундир военного врача, меня оставят торчать при каком-нибудь Ачинском или Барнаульском гарнизоне. А это весьма возможно¹⁰⁷.

На Рождество удалось съездить на 2-недельную побывку в Иркутск. Увидел массу друзей и единомышленников и прекрасно освежился. Возвращался сюда с большой грустью. За последнее время часто получаю письма от Юлия. Он, по-видимому, массу работает: за 1½ месяца написал 40 статей¹⁰⁸. Но, как пишет, из них вряд ли 1/3 увидит свет, и из этой 1/3 вряд 1/2 будет оплачена. Против А[лександра] Н[иколаевича] и др. кипит негодованием и считает открытый разрыв необходимым¹⁰⁹. К сожалению, здоровье его очень плохо: не только дает знать себя ревматизм, но и сердце оказывается уже затронутым. Материально устроен очень плохо, а Мартын[ов] - еще хуже, т. е. жена его лишилась места. Пока что Юл[ий] решил оставаться в Цюрихе, хотя не теряет надежды вернуться в Париж, где, по обыкновению, у него все нарастает и нарастает долг за числящуюся за ним комнату.

Киска становится теперь уже взрослой девицей: читает, пишет и даже умеет делать «деление». Пребыванием здесь она очень довольна. Л[идия] О[сиповна] начала давать кое-какие уроки.

Ну, всего, всего хорошего Вам. Не прекращайте возобновившейся переписки!

Крепко жму руку,

Ваш Ф. Г.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 63-65.

№ 27

Ташкент

28 декабря 1916 г.

Дорогая Вера Ивановна,

назначили мне в г. Ходжент Ферганской области в лазарет для военнопленных. Правда, говорят, что это - «временно». Но, во-первых, не известно, куда отправят потом, а, во-вторых, сейчас все-таки приходится отправляться под новый год в эту дыру, достоинством которой является только расположение на линии ж[елезной] д[ороги] и торговля фруктами, центром которой является Ходжент. Будет, конечно, очень тоскливо и одиноко. Всякие письма, а особенно Ваши, будут праздниками. Не забывайте же невольного пустынного и пишите почаще и поподробнее. Всего хорошего Вам, всем нам, России и всему миру в новом году! Что-то принесет он нам? А что принесет и много большого, исторического, - в этом я не сомневаюсь.

Ваш Ф. Д.

РНБ. АДП. Ф. 1097. Ед. хр. 666. Л. 66.

Примечания

¹ Дан Л. О. (урожденная Цедербаум, по первому мужу Канцель) (1878-1963) - сестра Ю. О. Мартова, участница социал-демократического движения с конца 1890-х гг. Л. О. была задержана 3 июня 1907 г., в день ареста социал-демократической фракции Государственной думы, на квартире И. Г. Церетели. После нескольких месяцев заключения выслана за границу. 12/25 ноября снова была в Териоках, где после ее ареста проживал Ф. Дан. Подробнее о ней см.: Из архива Л. О. Дан. Сост., автор примечаний и биографического очерка Б. Сапир. Amsterdam, 1987.

- ² «Невская газета» - легальная меньшевистская газета, выходила в Петербурге в мае 1906 г.
- ³ Библиографию Ф. Дана за 1907 г. см. в кн.: Бургина А. Социал-демократическая меньшевистская литература. Библиографический указатель. Stanford, 1968.
- ⁴ «Отклики», «Отголоски», «Отзвуки» - меньшевистские сборники, выходившие в Петербурге с декабря 1906 по 1907 г. Всего под этими названиями вышло 8 сборников. Статей Засулич в них нет, но она принимала участие в их редактировании.
- ⁵ Т. е. за границей. *Мартов Ю. О.* (наст. фамилия - *Цедербаум*) (1873 - 1923); *Мартынов А. С.* (наст. фамилия - *Пикер*) (1865 - 1935) - народоволец, затем социал-демократ, после революции 1905 - 1907 гг. примкнул к меньшевикам. Штутгартский международный социалистический конгресс проходил с 18 по 24 августа 1907 г.
- ⁶ «Начало» - первая меньшевистская легальная газета, выходила в Петербурге с 13 ноября по 2 декабря 1905 г. Переговоры о журнале шли на протяжении лета-осени 1907 г. с одним из пайщиков газеты «Товарищ» (см. прим. 22) Котельниковым. См. об этом: Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Берлин, 1924. С. 166-168, 172-173.
- ⁷ «Дикий помещик» - название рассказа М. Е. Салтыкова-Щедрина.
- ⁸ *Лаффит Жак (Laffitte)* (1767 - 1844) - французский банкир, государственный деятель. После реставрации Бурбонов в 1814 - 1815 гг. принадлежал к оппозиции, в 1830 г. в его доме происходили собрания сторонников революции, пользовавшихся его финансовой поддержкой.
- ⁹ 3-я Дума заседала с 1.11. 1907 г. по 9.11.1912 г.
- ¹⁰ *Смигович И. Г.* (по мужу *Леман*) - до приезда Н. рупской исполняла обязанности секретаря редакции «Искры», после II съезда примкнула к меньшевикам, в годы реакции от активной политической деятельности отошла. Жила в России и за границей. В архиве В. И. Засулич есть несколько ее писем.
- ¹¹ Пифия, или Дельфийский оракул - жрица-пророчица в храме Аполлона в Дельфах.
- ¹² *Алексинский Г. А.* (1879 - 1965) - социал-демократ, в период революции 1905-1907 гг. примыкал к большевикам, депутат II Государственной думы, после 1918 г. - эмигрант.
- ¹³ Наполеоновский кодекс - гражданский, коммерческий и уголовный кодексы, регулирующие правовые основы буржуазного общества и перераспределение собственности, происшедшее в результате революции.
- ¹⁴ *Думбадзе И. А.* (1851 - 1916) - генерал, с 1906 по 1910 г. главноначальствующий и градоначальник Ялты, член «Союза русского народа», был известен жесткими, часто противозаконными действиями, что вызывало протест даже со стороны «октябристов».
- ¹⁵ *Захарова-Цедербаум К. И.* (1878 - 1939) - жена С. О. Цедербаума (Ежова), участница социал-демократического движения с конца 1890-х гг., автор воспоминаний, написанных совместно с мужем: «Из эпохи «Искры» (1900-1905). М.-Л., 1926 и «В годы реакции» // Каторга и ссылка. 1929. № 11. С. 67-102.
- ¹⁶ Кафе, в котором часто собирались русские политические эмигранты.
- ¹⁷ Намек на серию политических карикатур П. Н. Лепешинского под названием «Как мыши kota хоронили», где в образе kota, победившего мышей-меньшевиков, представлен Владимир Ильич Ленин (1870-1924) // П. Н. Лепешинский. На повороте. Л., С. 193-95.
- ¹⁸ *Соколов Н. Д.* (1870 - 1928) - сын придворного протоиерея, присяжный поверенный, внепартийный социал-демократ, выступал защитником на политических процессах, депутат III Государственной думы. Давний друг семьи Цедербаумов, занимался легализацией В. И. Засулич. На его квартире она жила с октября 1905 до лета 1907 г.
- ¹⁹ Т. е. 30 лет со дня покушения Засулич на петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова (24 января 1878 г.) и ее оправдания судом присяжных под председательством А. Ф. Кони (31 марта 1878 г.). Надо иметь в виду, что письма Дана, написанные за границей, датированы по «новому» стилю.
- ²⁰ В конце января состоялось совещание заграничных меньшевиков, на котором было решено издавать газету «Голос социал-демократа». «Голос» выходил с февраля 1908 по декабрь 1911 г. сначала в Женеве, затем в Париже. Автором

проекта объявления о его издании был Ф. Дан. В редакцию входили П. Б. Аксельрод, Ф. И. Дан, Ю. О. Мартов, А. С. Мартынов, Г. В. Плеханов, последний вышел из редакции осенью 1909 г. Всего вышло 26 номеров.

²¹ Вероятно, Дан намекает на события, связанные с разгоном 3 июня 1907 г. II Государственной думы и арестом социал-демократической фракции, обвиненной П. А. Столыпиным в подготовке вооруженного восстания.

²² «Товарищ» - ежедневная политическая, экономическая и литературная газета, выходила в Петербурге с 15 марта 1906 г. по 30 декабря 1907 г. В газете принимали участие группа «Без заглавия» (Е. Д. Кускова, С. Н. Прокопович), меньшевики (Ф. И. Дан, Н. И. Иорданский), левые кадеты (В. В. Португалов, А. А. Кауфман). В газете также сотрудничал Г. В. Плеханов.

²³ Т. е. эмигрантской колонии в Париже.

²⁴ Имеется в виду В. И. Ленин.

²⁵ Цинциннат Луций Квинкий - римский политический деятель. В 458 г. до н.э. ввиду опасности, угрожавшей Риму от сабинян, был назначен диктатором. После блистательной победы вернулся к земледельческой деятельности, считался у римлян образцом скромности и верности гражданскому долгу.

²⁶ Речь идет о совещании редакции «Голоса социал-демократа».

²⁷ Имеется в виду П. Б. Аксельрод.

²⁸ В начале 1880-х гг. Засулич писала о неспособности русской буржуазии к революционной инициативе и позитивной роли, которую суждено сыграть будущей социал-демократии в политическом освобождении страны, усвоившей уроки Западной Европы. Однако, наблюдая события революции 1905-1907 гг., она приходила к выводу, что именно деятельность социал-демократии явилась одним из препятствий на пути демократизации страны. Подробнее об этом см. в ее письмах Г. В. Плеханову и Я. В. Стефановичу (Из переписки В. И. Засулич) Публ. и комм. Т. А. Богдановой // Источниковедческие памятники письменной культуры в собраниях и архивах Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. История России XIX-XX веков. Сб. науч. тр. Л., 1991. С. 30-97; В. И. Засулич. О марксизме в России // Общественная мысль. Исследования и публикации. Вып. 2. М., 1990. С. 257-260).

²⁹ Речь идет о статье Ф. Дана в № 4-5 «Голоса социал-демократа» (апрель 1908 г.) «На рубль аммуниции (буржуазия и русская бюрократия)». Интересно, что в одном из писем П. Аксельроду и Л. Дейчу (1908 г.) Засулич, характеризуя настроения партийных социал-демократов, писала, что они напоминают ей народоольцев 1880-х гг.: «на грош аммуниции и на рубль амбиции».

³⁰ Речь идет о статье Дана в № 3 «Голоса социал-демократа» «Пролетарии и русская буржуазия», перепечатанной в теоретическом органе германской социал-демократической партии журнале «Neue Zeit», редактором которого был Карл Каутский. См.: Die Bedingungen des erneuten Aufschwungs der russischen Revolution (Die Neue Zeit, 1907-1908. Т. 2. № 27. С. 4-10; Т. 2. № 28. С. 49-58).

³¹ Статья Дана была помещена во французском социалистическом органе «Le Socialiste». Александр Брак (Враске, наст. фамилия - Марк Деруссо) (1861 - 1955) - секретарь партии по внешним связям, один из редакторов центрального партийного органа, газеты «Humanite».

³² Имеется в виду Г. В. Плеханов.

³³ Засулич получила заказ от издательства «Пантеон» на переводы художественной литературы, для которых должна была писать также вводные статьи. Она просила своих друзей за границей присылать необходимую ей для этого литературу. В 1909-1910 гг. в ее переводе вышли произведения Вольтера и Г. Уэlsa.

³⁴ Дидро (Diderot). Вероятно, Дан употребляет это имя в нарицательном смысле, имея в виду различную справочную литературу или произведения французских просветителей.

³⁵ Речь идет о новом № газеты «Голос социал-демократа».

³⁶ См. примеч. 29, 30.

³⁷ Т. е. большевики.

³⁸ Богданов А. А. (наст. фамилия - Малиновский) (1873 - 1928) - социал-демократ, социолог, экономист, до лета 1909 г. входил в центральные большевистские органы. Речь идет о вызвавшей полемику в научной и социал-демократической среде полемике по поводу написанной им книги «Эмпирионизм. Ст. по философии». (Кн. I-III). 1904-1906. В 1907 г. с критикой взглядов Богданова выступил Г. В. Плеханов («Materialismus militans» // Избр. филос.

- произведения. Т. 3. С. 202-301). Выступление В. И. Ленина относится к 1908 г. (Полн. собр. соч. Т. 18. С. 7-384).
- ³⁹ И. Г. Смидович - см. примеч. 10.
- ⁴⁰ Н. Д. Соколов - см. примеч. 18.
- ⁴¹ И. Г. Смидович - см. примеч. 10.
- ⁴² Речь идет о событиях Младотурецкой революции 1908 г. и Тебризского восстания 1908-1909 г. в Иране (современное название Персии).
- ⁴³ Дан поместил в немецкой социалистической газете «Vorwärts» (8 ноября 1908 г.) статью, посвященную 25-летию со дня основания группы «Освобождение труда»: «Ein sozialdemokratisches Jubileum».
- ⁴⁴ Речь идет о большевиках и польских социал-демократах, руководимых И. Тышко, которые провели в ЦК решение об упразднении Заграничного центрального бюро (ЗЦБ), что было началом раскола социал-демократических групп за границей. См. также: Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова... С. 188-189, 191 и др.
- ⁴⁵ Речь идет о второй статье Г. В. Плеханова из цикла «Materialismus militans». Ответ г. Богданову (Письмо второе), вышедшей в № 8-9 «Голоса социал-демократа» (июль-сентябрь 1908 г.).
- ⁴⁶ Дан пишет о начале конфликта, возникшего из-за статьи А. Н. Потресова «Эволюция общественно-политической мысли в предреволюционную эпоху», написанной для меньшевистского издания «Общественное движение в России в начале XX века» (М., 1909-1914, вышло 4 тома). Плеханов увидел в ней измену революционному марксизму и традициям группы «Освобождение труда» и возвеличивание «легального» марксизма, лидером которого в 1890-х гг. был П. Б. Струве (1870 - 1944). После переговоров, продолжавшихся в течение года, Плеханов вышел из редакции «Голоса социал-демократа», начал борьбу с т. н. «ликвидаторами» и сблизился с большевиками. В. И. Засулич в 1913 г. выступила против него с двумя фельетонами «Плеханов и ликвидаторы» и «По поводу одного вопроса», опубликованными в петроградских меньшевистских газетах «Луч» и сменившей ее «Живой жизни», фактическим редактором которых был Ф. И. Дан.
- ⁴⁷ Анна умерла в Петрограде в конце лета 1917 г. от менингита (См.: Из архива Л. О. Дан. С. XXIII).
- ⁴⁸ Дейч С. Г. (1855 - 1941) - участник народнического движения, один из основателей группы «Освобождение труда», в марте 1884 г. при попытке переправить транспорт с нелегальной литературой был арестован в Германии и выдан российским властям в качестве уголовного преступника. Свыше 10 лет провел в Карийской каторжной тюрьме, в 1897 г. был выпущен на поселение, в 1901 г. бежал из Сибири. Оказавшись в эмиграции, активно занимался подготовкой II съезда, делами редакции «Искры». Затем меньшевик. После революции 1905-1907 гг. от активной политической деятельности постепенно отошел. Автор многочисленных статей и книг о народническом движении, пребывании в Сибири и т. д. Один из инициаторов создания Дома Плеханова и редактор сборников «Группа Освобождение труда», вышедших в 1920-е гг. В начале 1880-х гг. близкий друг В. Засулич.
- ⁴⁹ Речь идет о появившемся в заграничной печати в январе 1909 г. официальном сообщении о провокаторстве Е. Азефа и о настроениях среди эсеров. Дан посвятил этому статью «Религия террора», опубликованную в № 13 «Голоса социал-демократа» (апрель 1909 г.).
- ⁵⁰ Речь идет об указе от 9 ноября 1906 г., которым было дано разрешение на свободный выход крестьян из общины и устанавливалась личная собственность крестьян на землю.
- ⁵¹ См. примеч. 46. Дан намекает на поведение Плеханова в 1905 г. в меньшевистской «Искре», когда Плеханов хотел выйти из редакции газеты в связи с конфликтом из-за статьи Л. И. Аксельрод.
- ⁵² Потресов А. Н. (псевд. - Старовер) (1869 - 1936) - социал-демократ, публицист. Между заграничными меньшевиками, издававшими «Голос», и Потресовым существовали принципиальные разногласия в оценке роли буржуазии и режима, установившегося в России после разгона II Государственной думы. С началом войны эти разногласия привели к полному разрыву. См. об этом: Ф. И. Дан. Письма... С. 217, 223 и др.
- ⁵³ Кит Китыч - персонаж из пьесы А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье». Олицетворял необразованного, дикого представителя купечества.

- ⁵⁴ С осени 1908 г. Засулич жила в Доме писателей на Каменном острове. Она состояла членом Всероссийского литературного общества, с 1912 г. Всероссийского общества писателей, в 1910 г. ее избрали в Литературный суд чести. В ее архиве есть приглашения на заседания Религиозно-философского общества на доклады Н. Д. Кузнецова, В. Ф. Эрна, Д. С. Мережковского, М. И. Туган-Барановского, Д. В. Filosofova. О своем впечатлении от посещения заседаний в Литературном и Религиозно-философском обществе она писала Плеханову, Мартову и др. См.: Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. 1. М., 1973. С. 242; Социал-демократическое движение в России... С. 180.
- ⁵⁵ О чем или о ком идет речь, установить не удалось.
- ⁵⁶ Канцель Н. Г. (по мужу Старобинская) (1899-?) - дочь Л. О. Дан от первого брака с Г. С. Канцелем (Ф. И. Дан. Письма... С. 656).
- ⁵⁷ Речь идет о Пикер А. Р., урожденная Фейнман.
- ⁵⁸ Рутенберг О. Н. (1872 - 1942) - издательница, в конце 1906 - начале 1907 г. издала в Петербурге 2 тома «Сборника статей В. И. Засулич».
- ⁵⁹ Речь идет о книге «Вольтер. Его жизнь и литературная деятельность». Впервые вышла в Петербурге в 1893 г. при содействии А. Н. Потресова, затем вошла в I том «Сборника статей», в 1909 г. переиздана отдельной книгой в издательстве «Прометей».
- ⁶⁰ Т. е. № 12 «Голоса социал-демократа».
- ⁶¹ В № 13 «Голоса социал-демократа» была помещена статья Дана «Буржуазия и современный режим».
- ⁶² См. письма Дана П. Б. Аксельроду от 26 апреля и 3 мая 1909 г. // Дан Ф. И. Письма... С. 219-220, 221.
- ⁶³ Вересаев В. В. (наст. фамилия - Смигович) (1867 - 1945) - писатель, двоюродный брат Ф. Г. Смидовича, в имении которого Засулич арендовала участок земли. Вересаев оставил воспоминания о Засулич. См.: Вересаев В. В. Воспоминания. М., 1982. С. 424-428.
- ⁶⁴ Бурцев В. А. (1862 - 1936) - публицист, принимал участие в революционном движении с середины 1880-х гг., был близок к эсерам, известен своими шумными разоблачениями «провокаторов».
- ⁶⁵ Нина - Н. Г. Канцель (см. примеч. 55). Рина - Цегербаум М. О. (1889 - ?), Женья - Цегербаум Е. О. (1893 - 1979) - сестры Ю. О. Мартова и Л. О. Дан.
- ⁶⁶ Старовер - псевдоним А. Н. Потресова. См. примеч. 46.
- ⁶⁷ Заявление Г. В. Плеханова было помещено в № 14 «Голоса социал-демократа» (май 1909 г.) под заглавием «Письмо в редакцию «Голоса социал-демократа». Оно датировано 26 мая 1909 г. В архиве Плеханова есть более раннее (неопубликованное, от 5 января 1909 г.) письмо о выходе из «Голоса».
- ⁶⁸ 22 августа, вернувшись из-за границы, Потресов писал Засулич в деревню: «Ну, спорили о «гегемонии», толковали о «буржуазии» и, как водится, не успели до чего дотолокаться. В разговорах с Ю[лием] О[сиповичем] и Д[аном] их концепция «буржуазии» становилась что-то уж очень невинной...» (АДП. Ф. 1097, ед. хр. 700, л. 2). Подробнее о разговорах с Потресовым, Кусковой и Прокоповичем см. письмо Дана П. Б. Аксельроду от 15 августа 1909 г. // Дан Ф. И. Письма. С. 223-224. Засулич знала Е. Д. Кускову и С. Н. Прокоповича со второй половины 1890-х гг. Споры вокруг т. н. «экономизма» привели тогда к разрыву отношений, которые возобновились после возвращения Засулич в Россию в 1905 г.
- ⁶⁹ «Дневник социал-демократа Г. В. Плеханова» издавался в Женеве с марта 1905 г. после выхода Плеханова из редакции меньшевистской «Искры». Все 8 номеров были за период революции переизданы в России. После выхода из редакции «Голоса» Плеханов возобновил свой «Дневник» с № 9 (август 1909 г.). Выходил до апреля 1912 г.
- ⁷⁰ Аксельрод И. И. принимала участие в социал-демократическом движении со второй половины 1880-х гг., сестра Л. И. Аксельрод.
- ⁷¹ Речь идет о II съезде «Заграничной лиги русских социал-демократов», состоявшемся 26-31 октября 1903 г., на котором обсуждалось положение, сложившееся в партии после II съезда. См.: Протоколы II съезда Заграничной Лиги и «комментарии» к ним. М., 1934.
- ⁷² Юдифь, по наущению своей матери потребовавшая у иудейского царя Ирода голову Иоанна Крестителя.

⁷³ В № 16-17 «Голоса социал-демократа» (август-сентябрь 1909 г.) были помещены заметка Ю. О. Мартова и письмо А. Н. Потресова по поводу ухода Плеханова из редакции газеты.

⁷⁴ См. примеч. 65.

⁷⁵ Дейч Л. Г. - см. о нем примеч. 48.

⁷⁶ Речь идет о редакции центрального органа РСДРП газете «Социал-демократ». Кот - В. И. Ленин, его сподручные - Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев, поляк - А. Варский (1868-1937), впоследствии один из основателей Польской коммунистической партии.

⁷⁷ Редакция «Социал-демократа» отказалась напечатать статью В. И. Ленина «О методах укрепления нашей партии и ее единства» как редакционную, в ответ Ленин послал заявление о своем выходе из редакции. См. его письмо «Товарищу секретарю редакции ЦО» от 4.XI.1909 г. (ПСС. Т. 47. С. 218, 356).

⁷⁸ Речь идет о брошюре «Социал-демократия в резолюциях Лондонского съезда (Мысли и заметки)». СПб., 1907.

⁷⁹ III Дума была распущена в срок - 9 июня 1912 г.

⁸⁰ См. примеч. 52. Жизнь в Доме писателей Засулич подробно описала в одном из писем Л. Дейчу и сравнивала ее с пребыванием в тюрьме.

⁸¹ Раковский Х. (1873 - 1941) - принимал участие в российском, румынском и болгарском социалистическом движении. Засулич была знакома с ним с начала 1890-х гг. В архиве Засулич есть несколько писем Раковского к ней. В данном письме речь идет об инциденте, связанном с изгнанием Раковского из Румынии. В течение трех дней Австро-Венгрия отказывалась принять его, тогда в печати и появились слухи о его расстреле. Затем он поселился в Болгарии.

⁸² О каком журнале идет речь, выяснить не удалось. В библиографическом указателе «Социал-демократическая меньшевистская литература» (1968), составленном А. М. Бургиной, сведения о нем не приводятся.

⁸³ Имеются в виду возглавляемые В. И. Лениным большевики. Объединительный пленум ЦК, состоявшийся в январе 1910 г., принял разработанную меньшевиками резолюцию «Положение дел в партии» и назначил новую редакцию ЦО «Социал-демократ», в которую вошли: Ленин, Зиновьев, Мартов, Дан и поляк Варский. Подробнее см.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т.1. М., 1983. С. 350-360.

⁸⁴ Блюменфельд И. С. (1865-1941) — социал-демократ, с начала 1890-х гг. работал в типографии группы «Освобождение труда», затем «Искры», после II съезда примкнул к меньшевикам. По возвращении в Россию в 1905 г. был арестован, затем выслан в Румынию, откуда перебрался в Константинополь и спустя несколько месяцев, в марте 1910 г., по приглашению меньшевиков, приехал в Париж. Его письма к Засулич содержат интересные наблюдения о жизни в Константинополе и меньшевистской колонии в Париже.

⁸⁵ Раковский Христиан. См. о нем примеч. 81.

⁸⁶ Речь идет о газете «Голос социал-демократа». См. примеч. 20

⁸⁷ Вероятно, речь идет о В. И. Ленине и Г. В. Плеханове.

⁸⁸ Имеется в виду «История общественного движения в начале XX века». Т. 1-4. М., 1909-1914.

⁸⁹ Речь идет о большевистском легальном философском и общественно-политическом журнале «Мысль», который выходил в Москве с декабря 1910 по апрель 1911 г.

⁹⁰ Л. О. Дан покинула Париж вместе с дочерью Анной и вернулась в Россию в октябре 1911 г.; летом 1912 г. Дан ездил в Финляндию на свидание с ними.

⁹¹ Дан, выехав в Россию после 14/27 декабря 1912 г., приехал туда под Новый год. Его возвращение стало возможным после наведенных Л. О. Дан в Департаменте полиции справок о том, что все старые дела на него закрыты и сданы в архив. См.: Федор Ильич Дан. Письма... С. 285-287.

⁹² С началом войны Дан был арестован и после нескольких месяцев заключения выслан в административном порядке в Сибирь.

⁹³ По образованию Дан был врачом; в 1895 г. он закончил медицинский факультет Дерптского университета.

⁹⁴ Сидович Ф. Г., брат И. Г. Сидович. См. примеч. 10.

⁹⁵ Вероятно, речь идет о позиции К. Либкнехта. «Утро» - политическая, общественно-литературная и экономическая газета демократического направления, издавалась в Харькове в 1906-1916 гг. По возвращении в Россию в 1913 г. Дан стал корреспондентом этой газеты.

⁹⁶ О ком идет речь, установить не удалось.

⁹⁷ Имеются в виду разногласия, возникшие между Даном и Мартовым, с одной стороны, и группой меньшевиков, издававших в Петербурге журнал «Наша заря» (А. Н. Потресов, В. О. Левицкий, А. Череванин, Е. Маевский, и др.), с другой, по вопросу об отношении к Первой мировой войне. В ответ на опубликованную в № 7-9 «Нашей зари» статью А. Н. Потресова «Критические наброски. 1. Некоторые сюрпризы истории» Дан послал в редакцию письмо, выражая свое несогласие с позицией журнала, но, ввиду его закрытия, письмо не было напечатано; не появилось оно также и в сменившем его «Нашем деле», вышедшем в начале 1915 г. (издан всего один номер). Письмо Дана, вместе с его собственными комментариями к нему и заявлением о несогласии с линией журнала, Мартов опубликовал в газете «Наше слово» (№ 1, Париж, 1915. 29 янв.). Подробнее см.: Письма Мартова Дану в кн.: Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. С. 320-326 и: Федор Ильич Дан. Письма. С. 312-314. Петербургские меньшевики упрекали Мартова и Дана в нетерпимости.

⁹⁸ *Стеклов Ю. М.* (наст. фамилия - *Нахамкес*) (1873 - 1942) - публицист, социал-демократ, большевик.

⁹⁹ *Бернштейн Эдуард* (1850 - 1932) - один из лидеров германской социал-демократии, положивший начало ревизионистскому течению в марксизме.

¹⁰⁰ «День» - ежедневная газета демократического направления, выходила в Петербурге с 1912 по 1917 г. под редакцией И. Р. Кугеля.

¹⁰¹ Письма Мартова Дану опублик.: Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова. Берлин, 1924. С. 320-322.

¹⁰² «Северный голос» - меньшевистская газета, выходила в Петербурге с января по март 1915 г.

¹⁰³ *Левицкий В. О.* (наст. фамилия - *Цегербаум*) (1883 - 1941) - один из лидеров легального рабочего движения, входил, вместе с А. Н. Потресовым, в редакцию издававшегося меньшевиками журнала «Дело». Автор воспоминаний «За четверть века». М., 1926 - 1927. Т. 1. Ч. 1, 2. Оставил интересные воспоминания о В. И. Засулич.

¹⁰⁴ Речь идет о сборнике «Самозащита», опубликованном в Петрограде в начале 1916 г. В него вошли статьи социал-демократов, занявших «оборонческую» позицию. Сборник открывала статья В. Засулич «О войне».

¹⁰⁵ *Маслов П. П.* (1867-1946) - экономист, социал-демократ, меньшевик, в годы Первой мировой войны занимал позиции оборончества. С 1929 г. - член Академии наук СССР. *Вольский Н. В.* (1879-1964) - социал-демократ, после революции 1905-1907 гг. примкнул к меньшевистскому крылу РСДРП. Литератор, публицист. Участвовал в редактировании газеты «Русское слово», издававшейся в Москве в 1901-1916 гг. С 1930 г. - эмигрант. Оставил ряд воспоминаний о деятелях российского революционного движения; *Жордания Н. Н.* (псевдоним - *Ан*) (1870 - 1953) - социал-демократ, после II съезда РСДРП - меньшевик, после Октябрьской революции - глава меньшевистского правительства Грузии, впоследствии эмигрант; *Львов-Рогачевский В. А.* (наст. фамилия - *Рогачевский*) (1874-1930) - литературный критик, публицист, социал-демократ, член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Сотрудничал и состоял членом редколлегии ряда журналов и газет, в том числе: «Одесские новости», «Образование», «Луч», «Наша заря», «Современный мир», «Дело» и др.

¹⁰⁶ В № 13(27) за 1916 г. легальной меньшевистской газеты «Наш голос», выходившей в Самаре, было опубликовано «Открытое письмо» за подписью П. Б. Аксельрода, Ю. О. Мартова, Ф. И. Дана, И. Г. Церетели и др. с критикой «реакционно - эклектического круга идей» сборника.

¹⁰⁷ Дан был мобилизован и в качестве врача служил сначала в Иркутске, затем был переведен в Ходжент.

¹⁰⁸ Библиографию трудов Ю. Мартова см.: Бургина А. Указ. соч. С.146-162.

¹⁰⁹ В газете «Голос» (№ 2, Самара, 20 сент. 1916 г.) опубликовано «Письмо в редакцию. Ответ на приглашение сотрудничать в журнале «Дело», одним из редакторов которого был А. Н. Потресов.

СОДЕРЖАНИЕ

Мыслитель, революционер, политик (А. А. Чернобаев).....	3
Обращение (К. Бато-Плеханов)	4
Дом Плеханова: 1928-1998 (Т. И. Филимонова).....	5
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ	
«Задача наша трудная» . Переписка Н. С. Русанова: 1898-1907 гг. (О. С. Кашавцева).....	12
К БИОГРАФИИ Г. В. ПЛЕХАНОВА	
«Мне не раз приходилось слышать Плеханова...» . Из воспоминаний В. О. Левицкого (М. В. Пронина)	25
«В трофейных фондах выявлены...» . Материалы и документы ЦХИДК о Г. В. Плеханове (С. С. Попова)	51
ЭПИСТОЛЯРНОЕ НАСЛЕДИЕ	
«Политическое положение очень скверно» . Письма Ю. О. Мартова к Г. В. Плеханову. 1906 г. (Н. А. Казарова)	62
«Поговорить с Вами является для меня не только желанием, но и потребностью» . Письма А. И. Балабановой к Г. В. Плеханову. 1906-1914 гг. (М. В. Пронина).....	72
«Сердце тянет туда, где русский дух, где Русью пахнет» . Письма Ф. И. Дана к В. И. Засулич. 1907-1916 гг. (Т. А. Богданова).....	112
«Необходимо противопоставить революционной фразеологии - революционное мировоззрение» . Переписка А. И. Любимова и Г. В. Плеханова. 1914-1918 гг. (Т. И. Филимонова).....	149
ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВЛАСТЬ	
Из семейной хроники Плехановых . 1924-1935 гг. (Д. А. Аманжолова)	169
«Желание быть полезным стране» . Письмо академика П. П. Маслова И. В. Сталину. (Т. И. Филимонова).....	173
ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА	
«Я глубоко страдаю за французский народ» . Дневниковые записи Р. М. Плехановой. 1939-1941 гг. (Н. А. Санников).....	179
ИЗ ИСТОРИИ ДОМА ПЛЕХАНОВА	
«На мою долю выпал счастливый лотерейный билет» . Воспоминания Е. С. Коц (И. В. Смирнова)	207